

Миссбет
КОТЦОВА

ТЫ ПРЕДАЛ МЕНЯ.
НО ЗАБЫЛ ГЛАВНОЕ —
У НАС ЕСТЬ ОН...

ИЗМЕНА.

ПРОСТИТЬ НЕЛЬЗЯ

Лиссбет Котцова

Измена. Простить нельзя

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Измена. Простить нельзя / Л. Котцова — «Литнет», 2026

Я пришла сказать мужу, что у нас будет ребёнок. Но нашла его в гостиничном номере с другой женщиной. В тот же вечер Матвей Орлов, наследник медицинской империи, обвинил меня в измене. Ему показали документы, фотографии, переписку - всё, чему он поверил быстрее, чем мне. Я ушла беременной. Без денег, без защиты, без его фамилии. Пять лет я прятала сына от семьи, которая однажды уже уничтожила мою жизнь. Но прошлое всё равно нашло нас. Теперь больной девочке из фонда Орловых нужны медицинские данные моего Саши. Матвей снова стоит у моей двери и хочет знать правду. Только правда больше не принадлежит ему. Он спрашивает, его ли это сын. А я помню ночь, когда уже отвечала. И помню, что он выбрал не меня. Теперь он говорит, что хочет всё исправить. Его мать хочет забрать наследника. Его бывшая любовница хочет сохранить свою ложь. А я хочу только одного - чтобы мой сын не стал очередной жертвой фамилии Орловых. Но что делать, если ребёнок тянется к отцу? И если сердце, которое я пять лет учила молчать, всё ещё помнит его голос?

© Котцова Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Белое пальто	5
Глава 2. Чей ребёнок?	10
Глава 3. Ночь без имени	17
Глава 4. Пять лет спустя	24
Глава 5. Девочка без отца	31
Глава 6. Нельзя открывать дверь	39
Глава 7. Чужой сын	47
Глава 8. Цена анализа	57
Глава 9. Дом, который не ждёт	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Белое пальто

Лера пришла сказать мужу, что у них будет ребёнок, и остановилась перед дверью гостиничного номера, из-за которой доносился женский смех.

Не громкий. Не пьяный. Не случайный.

Тихий, низкий, почти домашний — такой смех бывает у женщины, которая не боится быть услышанной.

Лера сначала даже не поняла, почему у неё вдруг похолодели пальцы. В коридоре было тепло, слишком тепло: дорогой отель держал температуру так уверенно, будто мог управлять не только воздухом, но и чужими жизнями. На стенах горели мягкие золотистые бра, ковёр глушил шаги, где-то внизу, за несколькими этажами мрамора и стекла, звучал благотворительный вечер фонда Орловых: бокалы, камеры, вежливые голоса, аплодисменты.

Там, внизу, говорили о детях.

О редких диагнозах. О шансах. О будущем.

Лера прижала ладонь к сумочке, где лежал маленький белый конверт со снимком УЗИ, и вдруг почувствовала себя нелепо. Почти смешно. Она ведь утром купила ещё и носочки — крошечные, серые, с вышитыми облачками. Стояла в детском отделе, краснела перед продавщицей, будто её поймали на чём-то слишком интимном, и шептала:

— Нет, я пока просто смотрю.

А потом всё-таки купила.

Матвей должен был рассмеяться. Не громко — он редко смеялся громко при людях, — но так, как умел только с ней: коротко выдохнуть, опустить глаза, провести ладонью по лицу, словно пряча слишком человеческую радость. Потом обнять её. Может быть, ничего не сказать сразу. Он часто молчал, когда чувствовал слишком много.

Она любила его молчание.

Раньше ей казалось, что в нём есть надёжность.

Сейчас за дверью снова прозвучал смех.

Лера медленно опустила руку от сумочки.

На табличке у двери значился номер люкса. Не их номер. Матвей должен был быть внизу, в зале, за кулисами сцены, где через пятнадцать минут ему предстояло произнести речь. Его речь заранее прислали Лере на почту — сухую, выверенную, с правильными словами о доверии, ответственности и праве каждого ребёнка на жизнь.

Она сама утром поправила в ней одну фразу.

“Помощь начинается там, где заканчивается равнодушие”.

Лера помнила, как улыбнулась, увидев эту строку. Подумала: *это про него*. Про Матвея. Про её мужа, который мог быть холодным с целым советом директоров, но среди ночи ехал через весь город, если она сказала по телефону: “Мне что-то тревожно”.

Ей хотелось верить, что ребёнок будет похож на него.

Не внешне даже.

Внутри.

Сильный. Верный. Настоящий.

Дверь была неплотно прикрыта. Совсем чуть-чуть, на тонкую тёмную щель. Изнутри пахло паром, дорогим мужским парфюмом и чем-то цветочным, чужим. Лера сделала шаг ближе, ещё не позволяя себе думать. Не надо. Нельзя. Мысли иногда предают раньше людей.

— Матвей? — позвала она тихо.

Ответа не было.

Только шум воды.

Душ.

Лера вдруг вспомнила, как полчаса назад Тамара Григорьевна коснулась её локтя в зале и сказала с безупречной улыбкой:

— Лерочка, Матвей наверху. Устал, бедный. Вы бы поднялись к нему, он вас послушает охотнее, чем всех нас вместе взятых.

Тогда в голосе свекрови не было ничего особенного. Только привычная мягкость, от которой Лере всегда хотелось выпрямить спину. Тамара Григорьевна умела быть ласковой так, что после её ласки на коже оставались невидимые следы.

Лера поднялась.

Потому что была счастлива.

Потому что в этот вечер не хотела бояться.

Потому что у неё в сумочке лежала жизнь размером в туманное пятнышко на чёрно-белой бумаге.

Она толкнула дверь.

Не широко. Достаточно, чтобы увидеть.

Первым она заметила своё белое пальто.

Оно лежало на полу возле кресла — скомканное, будто его бросили в спешке. Матвей утром накинул его ей на плечи у подъезда, когда она сказала, что не замёрзнет.

— Ты всегда так говоришь, — пробормотал он тогда, застёгивая верхнюю пуговицу. — А потом у тебя ледяные руки.

— Зато ты можешь их греть.

— Могу, — сказал он и поцеловал её пальцы.

Теперь пальто лежало на полу чужого номера.

На кресле висела его рубашка.

Белая. Та самая, в которой он приехал вечером. Лера сама выбирала к ней запонки — серебряные, строгие, с маленькой синей точкой в центре. “Слишком заметные”, — сказал он. “Зато не такие скучные, как ты притворяешься”, — ответила она.

Запонка блеснула на ковре у ножки кресла.

Лера стояла и смотрела на неё, как на улику в чужом деле. Голова работала странно: выхватывала детали, но не складывала их вместе. Белое пальто. Рубашка. Запонка. Вода в ванной. Женский смех.

Потом дверь ванной открылась.

Ирина Лазарева вышла босиком.

На ней была мужская рубашка.

Не застёгнутая до конца, с влажным пятном у воротника. Тёмные волосы Ирины лежали на плечах мокрыми прядями, губы были чуть припухшие, лицо — свежее, спокойное. Она не вскрикнула. Не попыталась прикрыться. Не спросила, что Лера здесь делает.

Она улыбнулась.

Не победно даже. Хуже.

С сожалением.

Так улыбаются человеку, который опоздал к собственному несчастью.

— Лера, — сказала Ирина мягко. — Ты рано.

В груди у Леры что-то сжалось, но не взорвалось. Взрывы бывают потом, когда уже есть воздух. А сейчас воздуха не стало.

— Где Матвей?

Голос прозвучал чужим. Сухим. Тонким.

Ирина чуть повернула голову к ванной. Оттуда всё ещё доносился шум воды.

— В душе.

Лера смотрела на неё и никак не могла понять, почему мир не останавливается. Почему где-то внизу всё ещё звучит музыка. Почему за стеной смеются люди. Почему по коридору,

наверное, ходят официанты с серебряными подносами. Почему она сама стоит ровно, не падает, не кричит, не бьёт Ирину по лицу.

Может быть, потому что ребёнок.

Эта мысль пришла так тихо, что стала страшнее всего.

Ребёнок.

Лера машинально положила руку на живот. Он был ещё плоским, обычным, её телом, в котором никто посторонний не мог бы угадать тайну. Восемь недель. Врач сказала: “Пока осторожно. Без стрессов, Валерия Андреевна. Берегите себя”.

Берегите себя.

Ирина заметила движение её руки. Взгляд на мгновение опустился к животу, потом вернулся к лицу. В её глазах мелькнуло что-то быстрое: знание? раздражение? страх? Лера не успела понять.

— Можешь подождать, — сказала Ирина. — Хотя, если честно, я бы на твоём месте не стала.

Лера медленно выдохнула.

— На моём месте?

— Да.

— А ты была на моём месте, Ирина?

Улыбка дрогнула. Совсем чуть-чуть, но Лера увидела. Это придало ей странную, почти болезненную силу.

Ирина прошла к креслу и взяла с подлокотника бокал. На стекле остался след её помады.

— Не начинай сцену, — сказала она тише. — Не здесь. Сегодня слишком важный вечер для фонда.

Фонд.

Дети.

Право на жизнь.

Лера вдруг захотела рассмеяться, но вместо этого горло свело спазмом.

— Ты сейчас правда сказала мне про фонд?

Ирина посмотрела на неё внимательнее. В её лице было всё ещё слишком много контроля. И слишком мало стыда.

— Я сказала тебе не унижаться.

— Поздно.

Слово вырвалось само. Лера не хотела его произносить, потому что, произнеся, признала бы происходящее настоящим. Но оно уже висело между ними — короткое, тяжёлое, окончательное.

Поздно.

Поздно не верить. Поздно не видеть. Поздно придумывать объяснения.

Хотя мозг всё равно пытался.

Может быть, Ирина лжёт. Может быть, Матвей болен. Может быть, рубашка испачкалась. Может быть, это провокация. Может быть, дверь не та. Может быть, жизнь не могла так резко стать чужой за одну минуту.

Из ванной перестала течь вода.

Лера услышала, как там что-то звякнуло: металл о стекло. Наверное, флакон. Или пряжка ремня. Или просто звук, которому её память потом придумает значение и будет повторять ночами.

Ирина поставила бокал.

— Лера, уйди, — сказала она вдруг без улыбки. — Пока можешь уйти красиво.

Вот тогда Лера подняла глаза.

— Красиво?

Ирина молчала.

— Ты стоишь в рубашке моего мужа и советуешь мне уйти красиво?

— Не всё в жизни принадлежит тому, кто первым получил кольцо.

Удар был точный. Холодный.

Лера почувствовала, как под кожей поднимается дрожь. Не от слабости — от желания сделать больно в ответ. Сказать что-нибудь грязное, резкое, недостойное. Но она вдруг увидела себя со стороны: в светлом платье, в белых туфлях, с сумочкой на тонком ремешке, в которой лежат носочки с облаками.

И поняла, что если сейчас закричит, Ирина победит окончательно.

Потому что вся эта сцена, возможно, для того и была создана.

Лера отступила на шаг.

Потом ещё на один.

— Передай Матвею, — сказала она, и голос почти не дрогнул, — что я заходила.

Ирина ничего не ответила.

Лера повернулась слишком быстро. Перед глазами поплыл коридор: золотые бра, серые стены, длинная ковровая дорожка, в конце — большое зеркало. В зеркале она увидела женщину с белым лицом и широко раскрытыми глазами.

Не себя.

Кого-то, кто был похож на неё до сегодняшнего вечера.

Она сделала несколько шагов и только тогда поняла, что держит сумочку раскрытой. Белый конверт выскользнул, ударился о ковёр почти бесшумно. Из него выпал снимок.

Чёрно-белый. Зернистый. Крошечное пятно посреди тёмной матки — ещё не лицо, не тело, не ребёнок в привычном человеческом смысле, но уже вся её будущая жизнь.

Лера опустила на корточки.

Пальцы не слушались. Снимок никак не удавалось поднять: он прилип к коврику уголком, скользил, будто тоже не хотел возвращаться в её руки.

Внизу заиграла музыка громче. Наверное, начиналась официальная часть. Сейчас Матвея должны были объявить. Сейчас он должен был выйти на сцену, поправить микрофон, сказать глубоким ровным голосом слова, которые она утром читала на экране.

Помощь начинается там, где заканчивается равнодушие.

Леру затошнило.

Она зажала рот ладонью и закрыла глаза.

Только не здесь. Только не сейчас. Только сохрани. Пожалуйста. Что бы ни было — сохрани.

Это была первая молитва в её взрослой жизни.

Она не знала, к кому обращается.

К Богу. К собственному телу. К этому туманному пятнышку на бумаге. К Матвею, которого уже, возможно, не существовало.

За спиной открылась дверь.

Лера услышала шаги.

Не Ирины. Эти шаги она знала слишком хорошо. Размеренные, тяжёлые, уверенные. Так Матвей входил в переговорные, где ему собирались возражать. Так он подходил к ней на кухне, когда мир был ещё простым, обнимал со спины и молча забирал из рук нож, если она резала хлеб слишком торопливо.

Она не повернулась сразу.

Не смогла.

Снимок наконец поддался. Лера подняла его, но не успела спрятать.

Тень легла на ковёр рядом с её рукой.

— Лера?

Голос Матвея был хриплым. Низким. Не испуганным ещё — скорее раздражённым, сбитым, как у человека, которого застали не там, где он должен был быть.

Лера медленно поднялась.

Он стоял в дверях номера.

Влажные тёмные волосы. Белое полотенце на шее. Рубашки на нём не было. На груди — капли воды. Лицо закрытое, напряжённое. За его плечом виднелась Ирина, неподвижная, бледная теперь уже по-настоящему.

Матвей посмотрел сначала на Леру.

Потом на снимок в её руке.

Потом ниже — на маленькие серые носочки, выпавшие из сумочки и лежавшие между ними на ковре, нелепые, мягкие, невозможные.

Лера увидела, как меняется его лицо.

Не радость.

Не нежность.

Не то потрясённое счастье, которое она весь день воображала.

В его взгляде появилось что-то другое.

Тёмное.

Настороженное.

Почти злое.

— Что это? — спросил он.

Лера хотела ответить: *наш ребёнок*.

Но слова не вышли.

Потому что в эту секунду она впервые поняла: дверь открылась не в тот момент, когда ещё можно было что-то спасти.

Она открылась тогда, когда кто-то уже всё решил за них.

Глава 2. Чей ребёнок?

— Что это? — спросил Матвей.

Лера смотрела на него и не сразу поняла, что он говорит не про Ирину.

Не про рубашку на её голом теле. Не про мокрые волосы. Не про белое пальто, брошенное на пол так, будто его специально положили туда, где Лера не сможет не увидеть. Не про душ, не про закрытый номер, не про эту мерзкую, невозможную сцену, после которой у любой нормальной женщины внутри должен был подняться крик.

Он спрашивал про снимок.

Про крошечное чёрно-белое пятно в её дрожащих пальцах.

Про их ребёнка.

Лера вдруг ощутила такую ясность, что стало страшно. Иногда боль не туманит голову, а, наоборот, делает мир до жестокости чётким. Она видела каплю воды, скатившуюся по шее Матвея. Видела, как Ирина за его плечом медленно застёгивает пуговицу на рубашке. Видела серые носочки с облаками у своих ног.

И видела глаза мужа.

В них не было радости.

— Матвей, — сказала она тихо. — Ты правда хочешь начать с этого?

Он будто не слышал.

Сделал шаг вперёд, протянул руку к снимку, но Лера отдернула ладонь. Не резко — устало. Как мать отдёргивает ребёнка от огня.

Матвей остановился.

— Сколько недель?

Вопрос был спокойный. Слишком спокойный.

И от этого Лера почувствовала, как что-то внутри неё осыпается тонким стеклянным звоном.

— Восемь.

Ирина тихо втянула воздух.

Матвей обернулся к ней. На одно короткое мгновение. Не так, как смотрят на любовницу, застигнутую женой. Скорее так, как смотрят на человека, который уже знает больше, чем должен.

Лера это заметила.

И поняла: здесь не просто измена.

Здесь что-то подготовлено.

— Оденься, — сказал Матвей Ирине.

Голос был глухой.

Ирина не возразила. Подняла с кресла платье, ушла в ванную и закрыла дверь. Вода больше не шумела, но тишина стала хуже: в ней слышалось всё, что Лера не хотела слышать. Чужое дыхание. Собственное сердце. Далёкая музыка снизу.

Матвей наклонился, поднял носочки и долго смотрел на них, будто не знал, что держит в руках.

Утром эти носочки казались ей смешными.

Сейчас — непристойно нежными.

— Я хотела сказать тебе после речи, — произнесла Лера. — Думала, ты... обрадуешься.

Он сжал носочки в кулаке.

— Нам надо поговорить.

— Нет, — сказала она.

Матвей поднял глаза.

— Что значит нет?

— Это я должна спросить, что значит всё это.

Она кивнула в сторону ванной. Её голос дрожал, но уже не от слабости. В нём поднималось то, что было сильнее унижения: злость. Живая. Спасительная.

— Только не говори мне, что я не так поняла. Не смей, Матвей.

Он молчал.

И этим молчанием сказал больше, чем любым оправданием.

Лера усмехнулась — коротко, почти беззвучно. Усмешка вышла чужой, ломкой.

— Понятно.

Она развернулась к коридору, но Матвей взял её за запястье.

Не больно.

Привычно.

И от этой привычки стало больнее.

Сколько раз он так останавливал её у двери, когда она в шутку обижалась? Сколько раз притягивал обратно, целовал в ладонь, говорил: “Ну куда ты от меня?” Сколько раз она верила, что действительно никуда?

Лера посмотрела на его пальцы на своей коже.

— Отпусти.

— Лера, ты пойдёшь со мной.

— Я никуда с тобой не пойду.

— Пойдёшь.

В его голосе появился тот самый Орлов, которого она всегда боялась в других и почти не замечала в муже. Человек, привыкший не просить, а решать.

Лера медленно подняла на него глаза.

— Ты только что вышел из номера, где твоя любовница стоит в твоей рубашке. И теперь отдаёшь мне распоряжения?

На секунду по его лицу прошла боль. Быстрая, злая, почти детская. Будто она ударила его несправедливо.

Несправедливо.

Лера едва не рассмеялась.

Матвей отпустил её запястье.

— Тамара ждёт нас внизу.

Эти слова прозвучали так, что холод прошёл у Леры вдоль позвоночника.

— Твоя мать?

— Да.

— Она здесь при чём?

Он не ответил.

И тогда стало ясно окончательно: Тамара Григорьевна была здесь при всём.

Они спускались не через главный лифт, а служебным коридором. Матвей шёл рядом, уже в другой рубашке, застёгнутой неправильно у воротника. Лера заметила это и почему-то запомнила. Возможно, потому что раньше всегда поправляла. Автоматически, нежно, становясь на цыпочки, пока он делал вид, что ему безразличны такие мелочи.

Теперь она не поправила.

На нижних этажах гремели аплодисменты. Кто-то объявлял со сцены:

— ...человека, для которого благотворительность стала не красивым словом, а личной ответственностью...

Лера посмотрела на Матвея.

Он даже не поморщился.

Их провели в закрытую комнату за малым банкетным залом. Там не было ни музыки, ни камер, ни гостей. Только длинный стол, несколько кожаных кресел, вода в стеклянных бутылках и холодный свет потолочных ламп, от которого лица казались старше.

Тамара Григорьевна сидела во главе стола.

Безупречная. Жемчуг у горла. Серебристые волосы уложены так, будто мир не рушился, а просто немного опаздывал к её расписанию.

Рядом стоял Олег Резников, семейный юрист Орловых. Лера видела его всего несколько раз — на подписании каких-то документов, на семейных мероприятиях, где он появлялся тихо, без жены, с папкой в руках и выражением лица человека, который знает обо всех слишком много, чтобы кому-то нравиться.

Ирина уже была там.

В чёрном платье. С сухими волосами, аккуратно заколотыми на затылке. Ни следа номера, рубашки, ванной. Только лёгкая бледность у губ выдавала, что она тоже не полностью контролирует происходящее.

Лера остановилась у двери.

— Что это?

Тамара улыбнулась.

— Лерочка, сядьте.

— Нет.

Улыбка не исчезла.

— Валерия, — вмешался Резников. — Разговор будет непростым. Вам лучше присесть.

— Я не с вами разговариваю.

Матвей закрыл дверь.

Щелчок замка прозвучал слишком громко.

Лера обернулась.

— Ты запер дверь?

— Никто тебя не запирает.

— Тогда открой.

Он не двинулся.

Тамара чуть наклонила голову.

— Давайте не будем превращать это в сцену. Внизу гости, пресса, дети фонда. Вы ведь не хотите, чтобы ваше... положение стало темой вечера?

Лера положила ладонь на живот.

Тамара заметила. Разумеется.

— Не трогайте моего ребёнка даже словами, — сказала Лера.

В комнате на мгновение стало тихо.

Потом Резников открыл папку.

— Валерия Андреевна, к сожалению, речь именно о ребёнке.

Лера посмотрела на Матвея.

— Ты понимаешь, как это выглядит?

Он стоял у двери. Ровный. Бледный. Страшно спокойный.

— Сначала послушай.

— Я уже видела достаточно.

— Нет, — сказал он. — Ты видела то, что хотела увидеть.

Эта фраза ударила неожиданно.

Лера даже не сразу нашла воздух.

— Что я хотела увидеть?

Ирина опустила глаза.

Тамара вздохнула так, будто ей было жаль всех сразу.

— Лерочка, иногда женщине проще обвинить мужа, чем признать собственную ошибку.

— Мою ошибку?

— Вашу связь с Павлом Исаевым.

Имя Павла прозвучало в комнате чужеродно, как металлический предмет, брошенный в стеклянную чашу.

Лера моргнула.

— Что?

Резников разложил перед ней несколько листов. Фотографии. Распечатки звонков. Скриншоты сообщений. Лера не сразу поняла, что видит.

Вот она выходит из клиники, где работал Павел. Это было месяц назад — она консультировалась с ним по ребёнку пациентки, потому что Павел был одним из лучших специалистов. Вот Павел помогает ей сесть в машину — у неё тогда закружилась голова после дежурства. Вот распечатка звонков: несколько разговоров вечером.

Вот переписка.

Лера наклонилась.

Тексты выглядели почти настоящими. Только она их не писала.

“Я не могу больше так с ним”.

“После вечера всё решим”.

“Если ребёнок твой, я уйду”.

Она подняла глаза на Матвея.

— Ты серьёзно?

Он не ответил.

Вместо него Резников положил последний документ. С печатью лаборатории «Орлов Медикал Групп».

— Согласно предварительному заключению, — сказал юрист сухо, — вероятность отцовства Матвея Григорьевича по представленным медицинским данным исключена.

Лера смотрела на печать.

На логотип холдинга.

На подпись врача, которого не знала.

Мир стал каким-то плоским.

— Это ложь.

Тамара мягко закрыла глаза, будто именно такого ответа и ждала.

— Конечно.

— Это ложь, — повторила Лера, уже громче. — Я не писала этого. У меня не было связи с Павлом. И этот ребёнок — Матвея.

Матвей резко поднял голову.

В его лице что-то дрогнуло, но тут же закрылось. Как дверь. Как сейф. Как крышка гроба.

— Документы говорят другое.

Лера медленно повернулась к нему.

— Документы?

Он молчал.

— Ты сейчас правда сказал мне “документы”?

И вот тут боль прорвалась.

Не криком ещё. Сначала шёпотом.

— Я стою перед тобой, Матвей.

Она шагнула к нему.

— Я. Твоя жена. Женщина, которая два года спала рядом с тобой, ждала тебя с перелётов, знала, как ты морщишься от крепкого кофе, как ненавидишь, когда тебе желают удачи перед переговорами, потому что считаешь это плохой приметой. Женщина, которой ты вчера сказал, что без меня этот дом был бы просто дорогой коробкой. Я стою перед тобой и говорю: это твой ребёнок.

Матвей смотрел на неё, но будто через стекло.

Лера протянула руку. Хотела коснуться его лица, заставить вспомнить, кто она. Кто они. Как он целовал её утром. Как держал ладонь на её спине в машине. Как сказал: “После вечера уедем домой раньше, я устал от людей”.

Он отступил.

Всего на полшага.

Этого хватило.

Лера опустила руку.

Тамара тихо сказала:

— Вот видите. Женщины в вашем положении часто путают любовь, страх и расчёт.

Лера не посмотрела на неё. Если бы посмотрела, сорвалась бы.

— Матвей.

Он сжал челюсть.

— Ты правда хочешь поговорить о верности? — произнёс он наконец.

Ирина подняла глаза.

Тамара не шелохнулась.

Резников аккуратно выровнял край папки.

Лера поняла, что сейчас случится что-то непоправимое. Не громкое даже. Просто слово, после которого уже нельзя вернуться в прежний мир.

Матвей сказал:

— Тогда начни с того, чей ребёнок у тебя под сердцем.

Тишина после этой фразы не была пустой.

Она была полной.

Полной смерти.

Лера смотрела на мужа и ждала, что он сейчас моргнёт, придёт в себя, отшатнётся от собственных слов. Скажет: “Нет. Я не это имел в виду”. Сделает хоть что-нибудь человеческое.

Он не сделал.

И тогда она закричала.

Не истерично. Не красиво. Крик вырвался низкий, рваный, почти звериный.

— Да как ты смеешь?!

Где-то за стеной всё ещё аплодировали. Кто-то смеялся. Кто-то, наверное, поднимал бокал за здоровье детей.

— Как ты смеешь спрашивать меня об этом после того, где я тебя нашла? После неё? После твоей рубашки на её теле?

Ирина побледнела.

— Лера...

— Молчи.

Слово вышло таким холодным, что Ирина действительно замолчала.

Лера снова повернулась к Матвею.

— Ты хочешь верить им? Верь. Верь своей матери, своему юристу, своей любовнице, печати на бумаге, камерам, слухам, чему угодно. Только не смей потом говорить, что я не сказала тебе правду.

Тамара поднялась.

— Думаю, на сегодня достаточно. Олег, подготовьте документы. Нам нужно решить этот вопрос тихо.

Лера резко обернулась.

— Какие документы?

Резников закрыл папку.

— О временном раздельном проживании. Об отказе от публичных претензий. О сохранении репутации обеих сторон.

— Обоих? — Лера усмехнулась. — Моей репутации вы тоже решили помочь?

Тамара подошла ближе. От неё пахло дорогими духами и чем-то сухим, лекарственным.

— Валерия, вы молоды. Сейчас вам кажется, что боль — это навсегда. Но поверьте, жизнь длиннее одного брака. Мы готовы позаботиться о вас.

— Не надо обо мне заботиться.

— Тогда хотя бы о ребёнке.

Лера сделала шаг назад.

Тамара улыбнулась чуть заметнее.

— Каким бы ни было его происхождение.

И в этот момент Лера поняла, что останется одна.

Не потому, что вокруг не было людей. Их было слишком много.

А потому что ни один из них не видел её живой.

Для Тамары она была проблемой. Для Резникова — делом. Для Ирины — препятствием. Для Матвея...

Она посмотрела на мужа.

Для Матвея она была обвиняемой.

Лера медленно подобрала с края стола снимок УЗИ. Он оказался там — кто-то положил его рядом с поддельными распечатками, и от этого её затошнило. Настоящее среди лжи выглядело слабым, почти беспомощным.

Она спрятала снимок в сумочку. Носочки остались у Матвея в руке.

— Отдай.

Он не сразу понял.

— Что?

— Носки. Отдай.

Матвей посмотрел на свой кулак, будто забыл о них. Разжал пальцы. Маленькие серые облака лежали на его ладони смятыми и жалкими.

Лера взяла их осторожно. Так, чтобы не коснуться его кожи.

Потом выпрямилась.

— Если я сейчас уйду, — сказала она тихо, — ты больше никогда меня не увидишь.

В первый раз за весь вечер в глазах Матвея мелькнул страх.

Настоящий.

Живой.

Он исчез почти сразу, но Лера успела его увидеть. И почти возненавидела себя за то, что сердце дрогнуло.

Ну же. Останови меня. Скажи хоть что-нибудь. Скажи, что не веришь им. Скажи, что боишься. Скажи, что запутался. Скажи, что любишь.

Матвей молчал.

Тамара смотрела на сына.

И Лера вдруг поняла: он сейчас выбирает не между ней и Ириной. Даже не между ней и ребёнком.

Он выбирает между ней и своим миром.

Мир победил.

— Это будет лучше для всех, — сказал Матвей.

Лера кивнула.

Один раз.

Очень спокойно.

Так спокойно, что Тамара впервые перестала улыбаться.

— Да, — сказала Лера. — Наверное.

Она дошла до двери сама. Никто её не остановил.

В коридоре музыка стала громче. Ведущий объявил Матвея Орлова. Зал взорвался аплодисментами.

Лера шла мимо зеркал, мимо официантов, мимо женщин в бриллиантах и мужчин с благотворительными значками на лацканах. Кто-то узнал её, улыбнулся, хотел что-то сказать, но она не остановилась.

На лестнице её догнала трансляция из зала.

Голос Матвея прозвучал из динамиков ровно и глухо:

— Помощь начинается там, где заканчивается равнодушие.

Лера остановилась.

Прижала сумочку к животу.

И впервые за вечер заплакала.

Глава 3. Ночь без имени

Дом Орловых встретил её светом.

Не теплом — именно светом. Он лился из высоких окон, падал на мокрые ступени, отражался в чёрных боках машин у парадного входа и делал ноябрьскую ночь какой-то театральной, неправдоподобной. Будто всё это было не с ней, а с женщиной из чужого фильма: она сейчас войдёт, снимет испорченное дождём пальто, поднимется в спальню, закроет дверь и проснётся утром в прежней жизни.

Лера стояла у ворот и не могла заставить себя сделать шаг.

Внизу живота тянуло глухо, неприятно. Не боль ещё — скорее предупреждение. Тонкая внутренняя нить натянулась до предела и дрожала.

“Без стрессов, Валерия Андреевна”.

Лера почти усмехнулась.

Она не знала, можно ли считать стрессом вечер, за который у тебя забрали мужа, имя, ребёнка и правду, оставив только мокрую сумочку, снимок УЗИ и маленькие серые носки с облаками.

Телефон в руке был выключен. Она выключила его в машине, когда Матвей начал звонить.

Сначала один раз.

Потом второй.

Потом перестал.

Это “перестал” оказалось большее звонков.

Может быть, его снова позвали на сцену. Может быть, Тамара Григорьевна сказала ему, что сейчас не время. Может быть, Ирина коснулась его локтя и тихо попросила не унижаться. Может быть, он просто решил, что всё уже сказано.

“Это будет лучше для всех”.

Лера нажала код калитки. Пальцы помнили цифры лучше, чем она сама помнила, кем была час назад.

Дверь открыла Вера Степановна.

Старая домработница обычно встречала её с тихим ворчанием: “Валерия Андреевна, опять без шарфа, простудитесь ведь”, — и тут же несла тёплый чай, будто Лера была не хозяйкой дома, а девочкой, которую надо спасти от собственной беспечности.

Сегодня Вера Степановна молчала.

Глаза у неё были красные.

Лера всё поняла ещё до того, как вошла.

— Они уже здесь? — спросила она.

Вера Степановна опустила взгляд.

— Тамара Григорьевна распорядилась... чтобы вам помогли собрать необходимое.

Слово “необходимое” прозвучало так, будто речь шла не о жизни, а о ручной клади.

Лера прошла в холл.

Мраморный пол блестел, как лёд. На консоли стояла ваза с белыми розами — их привезли утром, потому что Матвей любил, когда в доме пахло не духами, а свежими цветами. Лера сама подрезала стебли перед выездом на вечер. Один шип поцарапал палец, и Матвей взял её руку, поднёс к губам.

— Ты даже цветы умудряешься приручать, — сказал он.

Теперь розы выглядели чужими. Наглыми. Слишком живыми.

У лестницы стояли два чемодана.

Её чемоданы.

Большой кожаный, свадебный подарок Тамары, и маленький серый, с которым Лера когда-то ездила к матери до замужества. На сером чемодане лежала папка с документами.

Лера не сразу подошла.

— Кто собирал?

Вера Степановна сжала пальцы на переднике.

— Я... не успела. Люди Олега Павловича приехали раньше.

Резникова.

Конечно.

Даже изгнание у Орловых оформлялось юридически грамотно.

Лера медленно поднялась наверх. Ступени не скрипели — в этом доме вообще ничего не имело права скрипеть, ломаться, стареть или напоминать о живых людях. Всё было дорогое, правильное, послушное.

Их спальня была открыта.

Лера остановилась на пороге.

На кровати больше не лежал её светлый плед. С кресла исчез халат. На прикроватной тумбе не было книги, которую она читала третью неделю и никак не могла дочитать, потому что Матвей каждый вечер отбирал её и говорил: “Спи. Ты читаешь одну и ту же страницу уже десять минут”.

Её жизнь собрали быстрее, чем обычно собирают вещи после отпуска.

В шкафу оставили пустые плечики.

На туалетном столике — только тяжёлое овальное зеркало. В нём отражалась женщина с серым лицом и размазанной тушью под глазами.

Лера подошла ближе. Открыла ящик.

Пусто.

Второй.

Пусто.

Третий.

Там лежала бархатная коробочка с серьгами, которые Матвей подарил на первую годовщину. Видимо, сборщики не знали, считать ли их “необходимым”. Или Тамара Григорьевна решила, что чужая девочка может оставить себе компенсацию за хорошо сыгранную роль.

Лера взяла коробочку и швырнула в зеркало.

Стекло не разбилось. Только коробочка упала на ковёр с мягким, жалким звуком.

— Ненавижу, — сказала Лера.

Тихо.

Не Матвею. Не Тамаре. Не Ирине.

Себе.

За то, что всё ещё ждала, что дверь откроется, и он войдёт.

Что скажет: “Я идиот”. Что обнимет. Что упрётся лбом ей в плечо, как делал только дома, когда был совсем вымотан. Что попросит не уходить. Не потому что уверен в ней, не потому что понял, не потому что победил всех вокруг. Просто потому что любит.

Дверь не открылась.

Вместо этого за спиной послышались осторожные шаги.

— Валерия Андреевна...

Вера Степановна стояла на пороге, держа в руках маленький пакет.

— Я нашла... это на полу. В коридоре. Может, не всё собрали.

Лера взяла пакет. Внутри были её документы, зарядка от телефона, старый блокнот, помада, которую она искала неделю, и второй снимок УЗИ.

Она вытащила его.

На обороте её почерком было написано: “Нашему маленькому чуду — 8 недель”.

Лера не помнила, когда успела написать. Наверное, утром. В каком-то глупом припадке счастья.

Горло сжалось.

— Спасибо, — сказала она.

Вера Степановна вдруг заплакала. Беззвучно, по-старчески: лицо почти не изменилось, только слёзы покатались по щекам.

— Простите меня.

Лера посмотрела на неё.

— За что?

Старуха зажала рот ладонью.

— Я ничего не знаю.

Слишком быстро.

Слишком испуганно.

Лера почувствовала, как внутри шевельнулась не боль даже — подозрение. Первое, слабое, ещё неоформленное.

— Вера Степановна, что вы слышали?

Та замотала головой.

— Ничего. Нельзя мне. Я... я только вещи помогу снести.

“Нельзя мне”.

В этом доме даже сострадание выдавали по разрешению.

Лера спрятала снимок в блокнот.

— Не надо помогать.

— Но чемоданы...

— Я сама.

Она не смогла бы сама. Большой чемодан был тяжёлым, а внизу живота тянуло сильнее. Но сейчас принять помощь значило признать, что её действительно выселяют. Что она не жена. Не хозяйка. Не женщина, которую здесь ждали.

А ошибка в доме Орловых.

На лестнице она едва не оступилась. Вера Степановна охнула, но Лера удержалась за перила.

В холле стояла Тамара.

Она сняла вечерние украшения, но всё равно выглядела так, будто только что сошла с фотографии из дорогого журнала: тёмное платье, ровная спина, жемчуг у горла. За её плечом маячил водитель.

— Лерочка, я распорядилась отвезти вас к маме.

Лера остановилась на последней ступени.

— Не надо мной распоряжаться.

Тамара чуть улыбнулась.

— В вашем состоянии гордость вредна.

— Моё состояние вас не касается.

— Ошибаетесь. Всё, что связано с нашей семьёй, меня касается.

Лера крепче сжала ручку чемодана.

— Я больше не ваша семья. Вы же этого хотели?

Тамара посмотрела на неё почти ласково.

— Я хотела, чтобы мой сын не разрушил жизнь из жалости к женщине, которая его обманула.

Лера устала. Так устала, что даже злость начала проваливаться куда-то вниз, оставляя после себя пустоту.

— Вы ведь понимаете, что это ложь.

— Ложь? — Тамара медленно подошла ближе. — Девочка моя, ложь — это когда бедная жена богатого мужчины делает вид, что не знает цену своей беременности.

Лера ударила бы её.

Если бы не ребёнок.

Если бы не внезапный острый спазм, от которого перед глазами потемнело.

Она вцепилась в перила.

Тамара заметила. И отступила.

Не от страха.

От брезгливой осторожности — как от пятна на дорогой ткани.

— Отвезите Валерию Андреевну к матери, — сказала она водителю. — И проследите, чтобы она не беспокоила Матвея сегодня. Ему нужно время принять ситуацию.

Лера выпрямилась.

— Матвею нужно было время пять минут назад. Когда я стояла перед ним.

Тамара ничего не ответила.

И это молчание было почти победой.

Лера вышла под дождь без зонта.

Водитель потянулся к чемодану, но она резко отдернула ручку.

— Не трогайте.

— Валерия Андреевна, приказано...

— Мне уже достаточно приказов на сегодня.

Она пошла вдоль подъездной дорожки. Не к машине. К воротам.

Дождь был мелкий, ледяной. Он сразу забрался под воротник, намочил волосы, склеил ресницы. Чемодан глухо стучал колёсиками по плитке, потом по гравию. С каждым шагом боль внизу живота становилась сильнее.

За воротами город был чёрным и мокрым.

Она не знала, куда идти.

К матери нельзя. Тамара первой отправит людей туда. Мать испугается, начнёт плакать, просить “не злить их”, и Лера сломается окончательно.

В гостиницу? С картой, которую Матвей мог заблокировать в любой момент? В клинику? В полицию? С чем? С рассказом о том, что богатая семья мужа показала ей поддельные переписки?

Телефон она включила уже на улице, под навесом закрытого цветочного павильона.

Сразу посыпались пропущенные.

Матвей — три.

Потом один неизвестный номер.

Потом сообщение от Резникова:

“Валерия Андреевна, завтра в 10:00 необходимо обсудить юридический порядок дальнейших действий. Не предпринимайте необдуманных шагов”.

Лера почти спокойно удалила сообщение.

Потом открыла контакты и долго смотрела на имя Павла.

Павел Исаев.

Она не звонила ему после той консультации. Не потому что боялась Матвея. А потому что видела в глазах Павла то, чего не хотела замечать: слишком старую, слишком терпеливую нежность.

Звонок пошёл не сразу. Сеть ловила плохо.

На третьем гудке он ответил.

— Лера?

В его голосе была сонная хрипота. И мгновенная тревога.

Она открыла рот, но вместо слов вышел короткий судорожный вдох.

— Лера, что случилось?

— Паша...

Она давно не называла его так.

На другом конце стало тихо.

— Где ты?

Лера посмотрела на вывеску павильона, на мокрый асфальт, на свои белые туфли, испачканные грязью.

— Я не знаю.

— Скажи, что видишь.

— Цветы. Закрытый павильон. Дорога... Я рядом с их домом.

— Ты одна?

— Да.

— Матвей с тобой?

Лера закрыла глаза.

— У меня больше нет мужа.

Павел не стал спрашивать. Не сказал «я же говорил». Не выдохнул с надеждой. Просто резко стал врачом.

— Боль есть?

Она хотела соврать.

Но в этот момент почувствовала тёплое между ног.

Очень мало.

Но достаточно.

Лера посмотрела вниз и увидела на светлой ткани платья тонкое красное пятно.

Мир качнулся.

— Паша...

— Боль есть? — повторил он жёстче.

— Да.

— Кровь?

Она заплакала снова. Но теперь иначе. Без звука, без лица, одним страхом.

— Да.

— Стой там. Не садись к ним в машину. Не иди никуда. Я еду.

— Ребёнок...

— Лера, слушай меня. Дыши. Слышишь? Медленно. Я уже встал. Я с тобой на связи.

— Я не могу его потерять.

— Не потеряешь, — сказал Павел.

Слишком уверенно.

Слишком по-врачебному.

Но именно это её удержало.

Она опустилась на мокрую скамейку под навесом, прижала сумочку к животу и стала дышать, как он говорил. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Машина Павла приехала через двадцать минут.

Или через вечность.

Он выскочил без зонта, в накинутой поверх свитера куртке, с растрёпанными волосами и таким лицом, будто весь путь уже знал худшее, но запретил себе в это верить.

Увидел пятно на платье.

Побледнел.

— В машину.

— Чемодан...

— Потом.

— Документы...

— Лера.

Он взял её за плечи. Осторожно, но крепко.

— Сейчас есть только ты и ребёнок. Всё остальное потом.

Она кивнула.

В машине пахло кофе, лекарствами и мокрой тканью. Павел говорил по громкой связи с кем-то из коллег, коротко, сухо: срок, кровянистые выделения, стресс, угроза, нужен кабинет, без регистрации через общую стойку.

Лера смотрела в окно.

Город размазывался огнями.

В какой-то момент телефон снова завибрировал. На экране появилось имя Матвея.

Павел увидел.

— Ответить?

Лера смотрела на имя, пока звонок не оборвался.

— Нет.

— Он знает?

Она отвернулась к стеклу.

— Он знает только то, чему захотел поверить.

Павел больше не спрашивал.

В маленьком частном кабинете пахло спиртом и холодным латексом. Женщина-акушер с усталым лицом делала УЗИ молча, и это молчание было невыносимым. Павел стоял у стены, сцепив руки так сильно, что побелели костяшки.

Лера лежала и боялась дышать.

Потом врач повернула экран.

— Сердцебиение есть.

Лера закрыла лицо ладонями.

Не заплакала даже.

Просто провалилась в это “есть”, как в единственное место, где ещё можно было жить.

— Но угроза сохраняется, — продолжила врач. — Нужен полный покой. Никаких стрессов, никаких поездок, никаких выяснений отношений. Вы меня слышите?

Лера кивнула.

Павел тихо спросил:

— Госпитализация?

— Я бы рекомендовала, но если есть причины не светиться... — врач посмотрела на Леру внимательнее. — Можно сутки под наблюдением в квартире. С препаратами. И чтобы рядом был врач.

— Будет, — сказал Павел.

Лера повернула к нему голову.

— Я не могу к тебе.

— Можешь.

— Паша...

— Лера, у тебя сейчас нет сил спорить. И у меня нет желания делать вид, что это обычная семейная ссора.

Она хотела сказать, что это не его дело. Что он не должен. Что она сама.

Но сил действительно не было.

Квартира Павла оказалась тихой, почти пустой. Книги, чашка в раковине, плед на диване, стопка медицинских журналов на подоконнике. Не дом — место, где человек ночует между дежурствами.

Он постелил ей в спальне, сам остался в гостиной. Принёс воду, таблетки, чистую футболку.

— Душ нельзя. Только переодеться. Если снова кровь — сразу зовёшь меня.

Лера сидела на краю кровати и держала в руках снимок УЗИ. Тот самый, с надписью.

— Матвей должен знать? — спросил Павел.

Очень тихо.

Она не подняла головы.

Вопрос был правильный. Честный. Взрослый.

И невозможный.

Если Матвей узнает, он придёт. Не один. С матерью, юристом, документами, сомнениями, своей властью, своим холодным “сначала послушай”. Он захочет решать. Проверять. Устанавливать. Защищать фамилию. Не ребёнка — фамилию.

А она больше не могла позволить им даже приблизиться.

— У меня больше нет мужа, — повторила Лера.

Павел долго молчал.

Потом вышел и вернулся с маленьким кнопочным телефоном.

— Здесь новая сим-карта. Номер знают только я и врач. Твой телефон лучше выключить.

Лера посмотрела на него.

— Ты предлагаешь мне спрятаться?

— Я предлагаю тебе выжить.

За окном шёл дождь. Ноябрьский, бесконечный, петербургский. Он стекал по стеклу так, будто город пытался смыть с себя эту ночь, но не мог.

Павел положил телефон на тумбочку.

— Если ты останешься в Петербурге, они заберут у тебя ребёнка ещё до рождения.

Лера прижала снимок к груди.

Впервые за ночь она ясно поняла: прежняя Валерия Орлова закончилась не в номере отеля, не в закрытой комнате, не у ворот дома.

Она закончилась здесь.

В чужой спальне.

Под шум дождя.

С телефоном без имени.

И ребёнком, которого ей теперь предстояло спасти от его собственного отца.

Глава 4. Пять лет спустя

Море за окном шумело так, будто всю ночь перекладывало с места на место чужие тайны.

Лера проснулась раньше будильника — по привычке, от первого же скрипа старой рамы. Ветер с залива бился в стекло мелким колючим дождём, и кухонная занавеска, плохо заправленная вечером за батареею, шевелилась, как живая. В квартире было прохладно. Не холодно — именно прохладно, по-балтийски: когда стены за ночь впитывают сырость, а одеяло кажется единственным честным местом в мире.

Из соседней комнаты донеслось сонное:

— Мам...

Лера открыла глаза.

Сердце отозвалось сразу, раньше тела.

— Я здесь, Саш.

— У меня динозавр упал.

Она выдохнула, села на кровати и несколько секунд просто смотрела в серый предрасвет. Пять лет назад такие пробуждения казались бы ей бедными, усталыми, невозможными: старая квартира над кофейней, облупленный подоконник, чайник, который надо было придерживать, чтобы он не отключался раньше времени, детские колготки на батарее, счета в жестяной коробке из-под печенья.

Теперь это называлось жизнью.

Не счастливой в красивом смысле. Не той, о которой пишут в глянцевого интервью жёны успешных мужчин. Но настоящей. Её собственной. Не подаренной, не оформленной через юриста, не зависимой от чужой фамилии.

— Динозавры тоже иногда падают, — сказала Лера, входя в комнату сына. — Особенно если вчера кто-то обещал убрать конструктор с кровати и не убрал.

Саша лежал поперёк одеяла, серьёзный и взъерошенный, с отпечатком подушки на щеке. В руке он держал зелёного пластикового тираннозавра без одной лапы. Лера давно хотела купить нового, но Саша запрещал: этот, по его словам, “пережил катастрофу и теперь герой”.

У него вообще всё имело биографию.

Машинки не ломались — “попадали в аварию и восстанавливались”. Мягкий медведь не был старым — “он много видел”. Даже камни с пляжа Саша сортировал по характеру: сердитые, сонные, храбрые, те, которым нужен дом.

Иногда Лере казалось, что сын слишком много унаследовал от неё.

А иногда — что слишком много от Матвея.

Особенно когда сердился.

Вот и сейчас он сжал челюсть, пытаясь прикрепить динозавру лапу обратно, и Лера почувствовала короткий болезненный укол под рёбрами. Так же сжимал челюсть Матвей, когда ему приходилось молчать при людях, которых он презирал.

Она отвернулась к шкафу.

— Подъём, герой. Через сорок минут садик.

— Пять.

— Что пять?

— Пять минут.

— Три.

— Четыре.

— Договорились. Но если каша остынет, я её съем сама.

Саша сел мгновенно.

— Ты не любишь кашу.

— Зато люблю побеждать в переговорах.

Он подозрительно посмотрел на неё, потом фыркнул и полез из кровати.

Утро пошло обычным ходом: каша с яблоком, спор из-за шарфа, поиск второй варежки, внезапное открытие, что в кармане куртки живёт “очень важный” каштан, который нельзя выбрасывать, потому что он “почти круглый, но грустит”.

Лера слушала, кивала, завязывала шнурки, мыла чашку, проверяла рюкзак, подписывала какую-то бумагу для садика, и всё это время внутри у неё работал тихий счётчик: квартплата — в пятницу, лекарства Жанне — заказать вечером, Марте вернуть две тысячи, на обувь Саше — отложить в следующем месяце, не забыть позвонить в центр насчёт расписания.

Когда-то её календарь был заполнен благотворительными вечерами, ужинами, встречами, поездками, фамилиями людей, которые никогда не спрашивали цену хлеба.

Теперь она знала цену всему.

И почему-то это знание делало её не слабее, а твёрже.

На улице ветер сразу ударил в лицо. Зеленоградск в ноябре был не курортом, а местом, где море показывало свой настоящий характер: серое, мокрое, сердитое. Кафе на променаде открывались неохотно, туристов почти не было, на скамейках сидели только чайки — нахальные, тяжёлые, похожие на чиновников в белых пальто.

Саша шёл рядом, прыгая через лужи.

— Мам, а папы любят кашу?

Лера не сразу поняла вопрос.

Он прозвучал без подготовки, как всегда у детей: будто мысль давно жила внутри и просто дождалась удобной лужи.

— Разные папы любят разное.

— А мой?

Шарф в её руках вдруг стал слишком тугим.

Лера остановилась у перехода. Машина проехала мимо, подняв грязную волну из-под колёс. Вода разбилась у бордюра, не долетев до их ботинок всего несколько сантиметров.

— Саш...

Он поднял на неё глаза.

Серо-зелёные. Её форма, его взгляд.

Нет. Не его. Нельзя так думать.

— Я просто спрашиваю, — сказал сын. — У Димки папа любит овсянку с солью. Это ужасно. А у Миши папа вообще ест сосиски холодными. А мой что любит?

Лера могла соврать.

Она умела.

За пять лет ложь стала не преступлением, а инструментом выживания. Она говорила: “Мы переехали, потому что здесь лучше воздух”. “Фамилия Соколов — потому что так красивее”. “Папа далеко”. “Взрослые иногда расстаются”. “Нет, он не бросал тебя”. “Нет, ты не виноват”.

Но сейчас вопрос был про кашу.

И именно поэтому соврать оказалось почти невозможно.

— Крепкий кофе, — сказала она наконец. — Без сахара. И хлеб с корочкой.

— Это не каша.

— Нет.

Саша подумал.

— Значит, кашу он не любит?

— Не знаю.

— А ты давно его видела?

Лера снова пошла вперёд.

— Давно.

— Он плохой?

Она сжала его ладонь чуть крепче.

— Люди не бывают просто плохими или просто хорошими.

— Бывают. Кощей плохой.

— Даже у Кощея, наверное, была причина быть вредным.

— Мам, ты сейчас как взрослая книжка.

Лера невольно улыбнулась.

— Прости.

— Ничего. Я привык.

В садике Саша долго не отпускал её руку. Не потому что боялся — он уже привык к группе, воспитательнице, шуму. Но иногда на него накатывало странное упрямство: постоять ещё секунду, проверить, точно ли мама уйдёт не навсегда.

Лера каждый раз ждала.

Не торопила.

Знала цену таким секундам.

— Вечером заберу, — сказала она. — После работы.

— И к Марте?

— Если Марта не съела все булочки.

— Она не съест. Она говорит, булочки для клиентов, но сама ест сломанные.

— Значит, будем надеяться на производственный брак.

Саша наконец засмеялся, махнул ей и убежал в группу.

Лера стояла в раздевалке ещё несколько мгновений, пока дверь не закрылась. Только потом позволила лицу стать усталым.

Рабочий день в реабилитационном центре начался с мальчика после операции, который ненавидел упражнения и называл Леру “мучительницей”, потом была девочка с ДЦП, которая сегодня впервые удержала равновесие без поддержки целых шесть секунд, потом мать подростка, плакавшая в коридоре от бессилия и стыда за эти слёзы.

Лера умела быть спокойной рядом с чужой болью.

Не равнодушной — спокойной.

Она знала, как говорить с родителями, которым хочется обещаний. Знала, как не давать ложной надежды и при этом не отнимать последнюю. Знала, как держать ребёнка за локоть так, чтобы он чувствовал не контроль, а опору.

Иногда ей казалось: она стала хорошим специалистом не благодаря образованию, а благодаря той ночи.

Человека, которого однажды выкинули из собственной жизни, невозможно обмануть красивыми словами о поддержке. Он точно знает, поддерживают тебя или просто удерживают на месте.

К двум часам дня в кармане халата завибрировал телефон.

Лера вытерла руки, посмотрела на экран и нахмурилась.

Письмо.

Отправитель: Фонд “Шанс на завтра”.

Она не открывала сразу.

Сначала дочитала тему.

“Запрос на консультацию. Несовершеннолетняя пациентка. Редкий генетический случай”.

Фонд Орловых сменил название три года назад. Слишком много было публикаций про “Орлов Медикал”, слишком много слухов, слишком заметным стало слово “Орлов” на всём,

что должно было выглядеть милосердно. Но Лера знала структуру. Знала логотип. Знала адрес домена.

Она закрыла почту.

Потом открыла снова.

“Уважаемая Валерия Андреевна, по рекомендации коллег просим рассмотреть возможность дистанционной консультации по вопросу реабилитационного сопровождения пациентки четырёх лет...”

Лера скользила взглядом по строкам, пока не дошла до имени.

Милана Лазарева.

Пальцы похолодели.

Лазарева.

Ирина.

В коридоре кто-то засмеялся, хлопнула дверь кабинета, медсестра позвала её на следующую процедуру, а Лера сидела перед экраном и смотрела на фамилию, которая пять лет не произносилась вслух в её доме, но всё равно жила в стенах, как плесень под краской.

Милана.

Она слышала об этой девочке. Не хотела слышать — новости сами попадались: благотворительные вечера, сборы, интервью Ирины, фотографии Матвея рядом с больничной палатой. Подписи писали осторожно: “дочь близкой соратницы семьи”, “подопечная фонда”, “ребёнок, чью судьбу Матвей Орлов взял под личный контроль”.

Люди любили додумывать.

Лера тоже додумала.

Ирина родила через год после той ночи.

Матвей так и не женился на ней — это Марта однажды нашла в светских новостях и с победным видом сказала: “Вот видишь, даже мерзавцам иногда не хватает наглости”. Но он был рядом. Всегда рядом. На фотографиях, на мероприятиях, в отчётах фонда.

Рядом с чужой девочкой.

Пока его сын учился ходить у моря, держась за край старого дивана.

Лера закрыла письмо.

Потом открыла ещё раз и перечитала медицинское вложение.

Некоторые показатели были скрыты, часть данных зашифрована, но одно слово заставило её замереть.

Маркер.

Редкий.

Она не знала почему, но внутри поднялась тревога — не эмоциональная, не ревнивая, а профессиональная. Слишком странный запрос. Слишком точная формулировка. Не просто консультация. Не просто реабилитация.

Они что-то искали.

Вечером Марта поставила перед ней чашку кофе и тарелку с двумя “сломанными” булочками.

— У тебя лицо такое, будто ты встретила налоговую, бывшего и смерть одновременно.

Марта Климова умела говорить ужасные вещи так буднично, что они становились почти заботой. Её кофейня располагалась прямо под Лериной квартирой: три столика у окна, стойка, запах корицы, облупленная дверь в подсобку и доска, на которой Марта каждый день писала мелом не меню, а угрозы. Сегодня там значилось: “Кто просит обезжиренное молоко — тот сам обезжиренный”.

Саша сидел за дальним столиком, строил из салфеток “станцию для динозавров” и ел булочку, откусывая только края.

— Мне пришло письмо, — сказала Лера.

Марта перестала протирать чашку.

— От него?

— От фонда.

— Это одно и то же.

Лера молча протянула телефон.

Марта прочитала. Лицо у неё стало злым — сразу, без перехода.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— И не надо. Ответ: нет.

— Там ребёнок.

— У тебя тоже.

Лера посмотрела на Сашу. Он пытался поставить тираннозавра на салфеточную крышу, крыша проваливалась, но сын не сдавался.

— Я знаю.

— Нет, Лер. Ты не просто знаешь. Ты пять лет этим дышишь. Ты ночью телефон проверяешь, будто они могут вылезти из экрана. Ты фамилию его при ребёнке не произносишь. Ты в Петербург ездишь так, будто на казнь. И теперь они присылают тебе красивое письмо про больную девочку?

— Милана не виновата.

Марта резко поставила чашку.

— Конечно, не виновата. Виноваты взрослые. Только платишь всегда ты.

Саша поднял голову.

— Мам, а можно ещё какао?

Лера сразу улыбнулась. Быстро, привычно.

— Можно. Только без маршмеллоу, а то ты вчера сказал, что они как сладкие сопли.

— Я передумал.

— Марта, сделаешь?

— Сделаю, — буркнула Марта. — Но только потому что у ребёнка хороший вкус в оскорблениях.

Саша довольно вернулся к динозаврам.

Марта наклонилась к Лере и уже тише сказала:

— Удали письмо.

— Я должна хотя бы ответить официально.

— Напиши: “Умерла. Не беспокоить”.

— Марта.

— Что Марта? Богатый бывший — это не судьба, это диагноз. У тебя хроническая форма, с осложнениями на ребёнка.

Лера хотела возразить, но телефон завибрировал.

На экране высветилось имя Павла.

Она почувствовала, как всё внутри собирается в узел. Павел не звонил без причины. Писал — да. Спрашивал про Сашу, про её самочувствие, про работу. Звонил только когда было важно.

— Да, Паша.

— Ты получила письмо? — спросил он без приветствия.

Лера закрыла глаза.

— Значит, ты тоже знаешь.

— Лера, слушай внимательно. Это не просто консультация.

Марта перестала двигаться.

Саша за дальним столиком радостно сообщил динозавру, что поезд отменяется из-за шторма.

— Что происходит? — спросила Лера.

В трубке было слышно, как Павел идёт. Быстро. Где-то хлопнула дверь, потом его голос стал глуше.

— Мне сегодня звонил коллега из Петербурга. Неофициально. Орловы поднимают старые базы по редким генетическим совпадениям. По детям, родившимся в определённый период. Они ищут не специалиста.

Лера встала.

Слишком резко. Стул скрипнул по полу.

Саша повернулся.

— Мам?

Она попыталась улыбнуться.

Не получилось.

— Какао сейчас принесут, солнышко.

Марта уже была рядом.

Лера отошла к окну. За стеклом море темнело, и фонари на променаде дрожали в мокром воздухе.

— Паша, говори.

Он выдохнул.

— Они ищут не тебя. Они ищут мальчика с редким маркером. Лера, речь о Саше.

В первое мгновение она ничего не почувствовала.

Совсем.

Только увидела отражение в стекле: женщина у окна, бледная, прямая, с телефоном у уха. За её спиной — ребёнок, который строит станцию для динозавра и не знает, что прошлое уже нашло его по крови.

— Откуда у них данные? — спросила она.

Голос был чужой. Спокойный.

Павел помолчал на долю секунды.

Этой доли хватило.

— Паша.

— Я разбираюсь.

— Откуда?

— Возможно, из старого обследования. Когда Саша болел в три года, мы отправляли часть анализов в федеральную базу.

Лера закрыла глаза.

Она помнила тот бронхит. Помнила температуру, скорую, ночной коридор больницы, как Саша лежал у неё на руках горячий и маленький, а она подписывала бумаги, не читая, потому что главное было — чтобы помогли.

Главное всегда было — чтобы помогли.

И каждый раз за помощь кто-то потом выставял счёт.

— Они знают, где мы?

— Пока не уверен.

— Паша.

— Лера, я не уверен, — повторил он жёстче. — Но если запрос уже пришёл тебе напрямую, значит, они очень близко.

Она открыла глаза.

Саша смотрел на неё из-за столика. Серьёзно, внимательно. Слишком внимательно для пяти лет.

— Мам, ты плакать будешь?

Лера поняла, что сжимает телефон так сильно, что заболели пальцы.

Она улыбнулась сыну.

На этот раз получилось.

Почти.

— Нет, малыш. Просто ветер сильный.

Он посмотрел на окно.

— Так мы же внутри.

Марта тихо выругалась себе под нос.

Лера прижала телефон к уху крепче.

— Что делать?

Павел ответил не сразу.

И в этой паузе она услышала море.

Не за окном даже.

Внутри себя.

То самое, ночное, пятилетней давности: чёрное, ледяное, без берега.

— Не открывай никому дверь, — сказал Павел. — Я выезжаю.

Глава 5. Девочка без отца

Матвей Орлов не любил детские отделения.

Не потому, что боялся болезни. К болезни он относился почти профессионально: как к врагу, которого нужно изучить, расчленив на показатели, протоколы, схемы лечения, проценты выживаемости и финансовые возможности.

Он не любил другое.

Игрушки на подоконниках.

Маленькие тапочки у кроватей.

Рисунки, прикреплённые к стенам скотчем: кривые солнца, дома с трубами, улыбающиеся люди с непропорционально длинными руками. Всё это казалось ему невыносимо честным. Взрослые умели придавать боли приличную форму: диагноз, консилиум, счёт, фонд, пресс-релиз. Дети оставляли боль такой, какая она есть, — с плюшевым зайцем под капельницей и надписью “я скоро домой” на листе в клетку.

В частном крыле клиники «Орлов Медикал» пахло не больницей, а деньгами.

Очищенный воздух, свежая краска, дорогой кофе у поста медсестёр, мягкий свет, бесшумные двери. Здесь даже страх старались упаковать в комфорт. На стене висел логотип фонда “Шанс на завтра”: детская ладонь, раскрытая к свету. После ребрендинга он нравился совету директоров больше прежнего — меньше фамилии Орловых, больше универсального милосердия.

Матвей проходил мимо логотипа каждое утро и каждый раз думал: *свет стоит дорого*.

— Консилиум уже собрался, Матвей Григорьевич, — сказала ассистентка, идя рядом почти бегом. — Профессор Савин подключится онлайн через десять минут. Лаборатория прислала предварительные таблицы. Ирина Викторовна ждёт в палате.

— Не в палате. В переговорной.

— Она просила...

— Я сказал: в переговорной.

Ассистентка осеклась.

Матвей не повысил голос. Он редко повышал. Люди и так слышали, когда он принимал решение.

У дверей стеклянной переговорной его ждали шестеро: главный генетик, заведующая детским отделением, представитель фонда, два врача из команды Миланы и Ирина Лазарева.

Ирина стояла у окна.

Безупречная, как всегда.

Тёмно-синий костюм, волосы собраны низко, макияж почти незаметный, но идеальный. Только руки выдавали её: пальцы слишком крепко сжимали телефон. На экране, который она не успела погасить, Матвей заметил детский рисунок — дом, женщина в платье, девочка и рядом высокая фигура без лица.

Милана снова рисовала отца.

Не его.

Просто отца.

Ирина повернулась.

— Ты опоздал.

В комнате сразу стало тише. Врачи сделали вид, что изучают документы.

Матвей снял пальто и передал ассистентке.

— На четыре минуты.

— Для тебя это, конечно, не срок.

— Для болезни тоже, — сказал он. — Поэтому начнём.

Ирина побледнела, но промолчала.

Это было их привычным равновесием последние годы: она позволяла себе говорить с ним резко остальных, он позволял ей не быть немедленно остановленной. Со стороны это, вероятно, выглядело близостью. Светские хроникёры любили такие паузы, такие взгляды, такие недоговорённости.

Они сделали из них почти пару.

Почти — удобное слово.

В нём можно было прятать и ложь, и трусость, и чужие ожидания.

Матвей сел во главе стола.

— Докладывайте.

Главный генетик, сухой мужчина с лицом человека, который давно перестал верить в чудеса, вывел на экран таблицы.

— Состояние Миланы Лазаревой остаётся стабильным, но окно для эффективного вмешательства сужается. Основная проблема — редкое сочетание маркеров. Нам нужны расширенные данные по биологическим родственникам, желательно первой линии, но при отсутствии таковых — любые совпадения по близкому профилю.

Ирина резко подняла голову.

— Вы говорили, что материалов достаточно.

— Мы говорили, что их достаточно для первичной схемы, — осторожно ответила заведующая. — Сейчас ситуация изменилась.

— Она ухудшилась?

Вопрос прозвучал тихо.

И вот здесь вся её безупречность дала трещину.

Матвей видел Ирину разной. На приёмах, где она улыбалась министрам. В кабинетах, где выбивала деньги у партнёров так мягко, что те благодарили её за собственное поражение. В ту ночь пять лет назад...

Он оборвал мысль.

Ту ночь он не любил вспоминать.

Вернее, не мог.

Память о ней жила не последовательностью событий, а осколками: виски в бокале, голос матери по телефону, распечатки на столе, белое лицо Леры в коридоре, маленькие серые носочки в его руке. И чувство, такое тёмное и стыдное, что он до сих пор не называл его словами.

Он хотел, чтобы ей было больно.

Потому что верил: больно сделали ему.

— Не драматизируй, — сказал он Ирине.

— Не драматизировать? — Она усмехнулась. — Речь о моей дочери.

— Именно поэтому нам нужны данные, а не эмоции.

— Тебе всегда нужны данные.

Фраза повисла между ними.

Врачи опустили глаза.

Матвей не изменился в лице, но внутри что-то неприятно сдвинулось. Слишком знакомая интонация. Не Ирина даже.

Лерина.

“Ты пять лет назад выбрал документы”.

Нет. Не Лерина. Лера никогда не говорила этого.

Пока.

Почему “пока”?

Он раздражённо открыл папку.

— Что по базе совпадений?

Генетик перелистнул файл.

— Мы расширили поиск по внутренним и партнёрским базам. Большинство совпадений нерелевантны. Есть один профиль, который требует проверки.

Ирина застыла.

— Кто?

— Пока рано говорить.

— Я спросила: кто?

— Ирина, — сказал Матвей.

Она сжала губы.

Генетик посмотрел на него, ожидая разрешения. Матвей кивнул.

— Ребёнок мужского пола. Пять лет. Регион — Калининградская область. Данные попали в федеральный контур после госпитализации около двух лет назад. Совпадение по редкому маркеру выше ожидаемого.

— Имя, — сказал Матвей.

Генетик замялся.

— У нас пока неполный доступ.

— Имя.

Ассистентка тихо положила перед ним распечатку, будто уже знала, что он потребует бумагу, а не экран.

Матвей не сразу посмотрел.

Почему-то.

Сначала он увидел только верхний край листа. Дату выгрузки. Номер запроса. Печать лабораторного партнёра. Всё обычное. Всё подконтрольное.

Потом строку:

Соколов Александр Валерьевич.

Комната исчезла.

Не резко. Без театральной темноты. Просто звук стал далёким, будто кто-то закрыл стеклянную дверь между ним и миром.

Соколов.

Валерьевич.

Матвей смотрел на фамилию и чувствовал, как внутри поднимается то, чему он пять лет не позволял иметь форму.

Валерия Соколова.

Не Орлова.

Соколова.

Он знал, что она вернула девичью фамилию. Разумеется, знал. Когда-то, спустя несколько месяцев после развода, Резников докладывал ему об этом сухо, между строк: “Валерия Андреевна официально использует прежнюю фамилию, имущественных претензий не заявляла”. Матвей тогда сделал вид, что ему всё равно. Подписал какие-то бумаги, уехал на встречу, вечером напился один в кабинете и разбил стакан о стену.

Не потому что любил.

Он тогда называл это злостью.

Так было удобнее.

— Дата рождения, — произнёс он.

Собственный голос показался чужим.

Генетик ответил, но Матвей уже сам видел.

Пять лет.

Месяц.

День.

Он быстро посчитал.

Не как мужчина. Как человек, привыкший считать риски.

Сначала — календарно.

Потом — телом.

Потому что память услужливо подбросила другое: Лера в их спальне за неделю до вечера фонда, босая, в его чёрной футболке, смеётся, потому что он пытался приготовить ужин и спалил соус. Лера на кухне, тёплая, сонная. Лера утром у зеркала, он застёгивает ей молнию платья и целует в плечо. Лера говорит: “После вечера я тебе кое-что скажу”. Он отвечает: “Говори сейчас”. Она улыбается: “Нет. Потом. Чтобы ты не сбежал с собственной речи”.

Потом.

У них не было “потом”.

— Это невозможно, — сказала Ирина.

Матвей поднял глаза.

Она стояла очень прямо. Слишком прямо. Лицо белое, глаза тёмные, почти злые.

— Почему? — спросил он.

— Потому что... — Она запнулась. — Потому что это может быть совпадение. Мало ли Соколовых.

— Валерия Андреевна Соколова, — тихо прочитала ассистентка, не поняв ещё, что лучше было молчать. — Мать ребёнка указана как законный представитель.

В переговорной стало так тихо, что слышно было, как за стеклом проехала каталка.

Ирина смотрела на Матвея.

Матвей — на лист.

Пять лет.

Лера ушла беременной — так она говорила. Кричала. Стояла перед ним с этим проклятым снимком и говорила.

А он...

Он сжал бумагу так, что край смялся.

Нет.

Документы тогда были однозначны.

Документы говорили, что ребёнок не его.

Документы говорили, что Лера лгала.

Документы...

Матвей вдруг почувствовал почти физическое отвращение к слову.

— Поднимите всё по этому профилю, — сказал он. — Полное досье. Кто вносил, где лечился, какие анализы, кто запрашивал доступ.

— Для расширенного доступа нужно основание, — осторожно сказал генетик.

Матвей посмотрел на него.

— Основание у вас лежит в палате на третьем этаже.

— Матвей, — вмешалась Ирина, — нельзя просто так лезть в жизнь чужого ребёнка.

Он медленно повернулся к ней.

— Чужого?

Она поняла ошибку сразу.

— Я имела в виду юридически.

— Юридически, — повторил он.

В этом слове тоже оказалось слишком много прошлого.

Резников любил его. “Юридически корректно”. “Юридически безопасно”. “Юридически целесообразно”.

Юридически можно было похоронить любую правду, если правильно оформить.

Матвей встал.

— Консилиум продолжайте без меня. Все данные по Милане — мне на стол через час.
По Соколову — полный пакет.

— Матвей, нам нужно решить, что делать с Миланой сейчас, — сказала Ирина.

Он остановился у двери.

— Лечение продолжается. Лучшие специалисты остаются. Деньги не вопрос.

— Для тебя никогда не вопрос деньги.

Он обернулся.

— А для тебя что вопрос, Ирина?

Она молчала.

И в этом молчании было что-то опасное. Не страх только. Не злость. Тайна.

Матвей вышел.

В коридоре детского отделения было слишком светло. У стены стояла маленькая девочка в розовой кофте и держала медсестру за палец. Милана.

Она была бледная, тонкая, с огромными глазами Ирины. В другой руке она сжимала плюшевого зайца с перевязанным ухом. Увидев Матвея, девочка чуть оживилась.

— Матвей, — сказала она серьёзно, как взрослые.

Не “папа”.

Никогда не “папа”.

Ирина пыталась когда-то приучить её к этому слову. Ненавязчиво, вроде бы в шутку. Матвей пресёк сразу. Жестоко, возможно. Но честнее, чем позволить ребёнку строить дом на чужом молчании.

— Привет, Милана.

Он присел перед ней. Ему всегда было трудно говорить с детьми: не потому что он их не любил, а потому что рядом с ними не работали привычные инструменты. Нельзя было приказывать, купить, ускорить, подписать.

— У тебя совещание? — спросила она.

— Было.

— Про меня?

— Да.

— Я умру?

Медсестра побледнела.

Матвей не отвёл взгляда. Детям не стоит врать красиво. Он это знал, хотя сам, кажется, всю жизнь жил среди красивой взрослой лжи.

— Нет, — сказал он. — Мы работаем, чтобы этого не случилось.

— Мама плакала в ванной.

— Мама иногда плачет в ванной, чтобы дети не видели.

Милана подумала.

— А дети всё равно видят.

Матвей почувствовал, как что-то неприятно кольнуло под рёбрами.

— Да, — сказал он. — Обычно видят.

— Ты найдёшь мне лекарство?

— Постараюсь.

— Не постарайся. Найди.

Впервые за весь день он почти улыбнулся.

— Хорошо. Найду.

Она удовлетворённо кивнула, будто заключила сделку с равным. Потом протянула ему рисунок.

На листе был дом. Девочка. Женщина. И высокая фигура без лица.

— Это кто? — спросил Матвей, хотя уже знал.

— Не знаю, — сказала Милана. — Просто место пустое было.

Он взял рисунок.

Пустое место.

Как точно дети иногда называли то, что взрослые годами прятали под благотворительными отчётами.

Ирина появилась в конце коридора. Быстро шла к ним, уже снова собранная, почти спокойная. Она увидела рисунок в его руке и застыла на долю секунды.

— Мила, тебе пора в палату.

— Я хочу мороженое.

— После процедуры.

— Ты всегда говоришь “после”.

— Потому что процедура всегда сначала.

Милана вздохнула так тяжело, что медсестра невольно улыбнулась, и пошла с ней.

Матвей и Ирина остались в коридоре.

— Не делай этого здесь, — сказала Ирина.

— Чего?

— Не превращай её лечение в раскопки своего прошлого.

— Моё прошлое само пришло в её анализы.

— Это ребёнок Леры, — произнесла она почти с ненавистью. — Женщины, которая тебя предала.

Матвей посмотрел на неё внимательно.

Пять лет эта формула была удобной.

Лера предала.

Лера ушла.

Лера выбрала Павла.

Лера скрылась.

Лера не писала, не просила, не объясняла.

В этой версии он был жесток, но ранен. Холоден, но обманут. Виноват, но не первый.

А теперь на столе лежала дата рождения мальчика.

И всё становилось опасно сложнее.

— Ты была в том номере, — сказал он.

Ирина медленно закрыла глаза.

— Не начинай.

— Почему?

— Потому что уже поздно.

Он усмехнулся. Без радости.

— Это у нас семейное проклятие, да? Всё важное оказывается поздно.

Она открыла глаза.

— Ты хочешь найти Леру?

Матвей не ответил.

— А если найдёшь? Что ты ей скажешь? “Прости, я пять лет верил не тебе, а бумажке”? Думаешь, она бросится тебе на шею?

— Я не говорил, что хочу её вернуть.

— Нет? — Ирина шагнула ближе. — Тогда почему у тебя такое лицо, будто ты уже потерял её второй раз?

Матвей почувствовал раздражение. Не потому что она лгала. Потому что попала.

— Займись дочерью.

— Я всю жизнь только этим и занимаюсь.

— Милане четыре года.
— А мне кажется, всю жизнь.
Она отвернулась первой.
Он пошёл к лифту, но у дверей остановился. Достал телефон.
В списке контактов Леры не было давно. Он удалил его в первую же неделю после развода.
Потом несколько раз набирал номер по памяти. Потом номер перестал существовать.
Память — нет.
Он открыл защищённый канал службы безопасности.
“Найти Валерию Андреевну Соколову. Калининградская область. Ребёнок Александр Валерьевич Соколов. Срочно. Без контакта. Только адрес и актуальные данные”.
Отправил.
Лифт приехал бесшумно.
Матвей вошёл, нажал кнопку своего этажа и только тогда понял, что всё ещё держит в руке рисунок Миланы.
Дом.
Женщина.
Девочка.
Пустое место.
Он смотрел на безликую фигуру и вдруг, впервые за пять лет, позволил себе представить другого ребёнка.
Мальчика.
Пятилетнего.
С фамилией Соколов.
С её глазами.
И, возможно, с его кровью.
Двери лифта открылись.
Ассистентка уже ждала у кабинета, бледная и напряжённая.
— Матвей Григорьевич, служба безопасности дала предварительный ответ. Валерия Соколова живёт в Зеленоградске. Работает в детском реабилитационном центре. Ребёнок посещает муниципальный сад.
Она протянула планшет.
Матвей взял его.
На экране была фотография из какого-то открытого городского мероприятия: детский праздник у моря, бумажные флажки, женщины в куртках, дети с воздушными шарами.
Лера стояла боком, наклонившись к мальчику в жёлтой шапке. Поправляла ему шарф. Волосы собраны небрежно, лицо усталое, почти незнакомое.
Но это была она.
Его Лера.
Нет.
Не его.
Мальчик поднял голову к камере.
Матвей перестал дышать.
Не потому что ребёнок был похож на Леру.
А потому что в этом маленьком, упрямом, серьёзном лице он увидел себя.
Не полностью.
Не карикатурно.
Но достаточно, чтобы все бумаги пятилетней давности вдруг стали пеплом.
Ассистентка что-то говорила: про адрес, про контакты центра, про официальный запрос фонда, который уже ушёл утром.

Матвей не слышал.

Он увеличил фотографию.

Мальчик хмурился на солнце и сжимал в руке игрушечного динозавра.

Так же сжимал челюсть Алексей, его погибший брат, когда в детстве пытался не заплакать после падения с велосипеда.

Так же смотрел сам Матвей на старых фотографиях, где отец держал его за плечо слишком крепко.

Кровь иногда кричала громче документов.

— Остановить официальный запрос, — сказал он.

Ассистентка замялась.

— Боюсь, поздно. Письмо уже доставлено. И копия ушла доктору Исаеву как медицинскому консультанту.

Матвей поднял глаза.

— Исаеву?

Имя ударило старой злостью.

Павел Исаев.

Конечно.

Пять лет — и этот человек всё ещё рядом.

Он положил планшет на стол слишком аккуратно.

— Подготовьте машину.

— Куда?

Матвей снова посмотрел на экран.

Лера улыбалась мальчику.

Не ему. Не миру. Не камере.

Только ребёнку.

В этой улыбке было то, чего он не видел у неё даже в лучшие дни их брака: осторожная, выстрадавшая, взрослая нежность. Женщина на фотографии была не беглянкой. Не обвиняемой. Не девочкой, которую можно посадить за стол и заставить слушать документы.

Она была матерью.

И это почему-то испугало его сильнее, чем все юридические войны, которые он умел выигрывать.

— В Зеленоградск, — сказал Матвей.

Ассистентка кивнула и вышла.

Он остался один.

На столе лежали два листа.

Рисунок Миланы с пустым местом.

И распечатка с именем мальчика.

Соколов Александр Валерьевич.

Матвей смотрел на эти бумаги и впервые за много лет не знал, что делать.

Только одно понимал совершенно ясно: если Лера действительно родила его сына, то пять лет назад он не просто потерял жену.

Он сам закрыл дверь перед жизнью, которая должна была быть его.

Глава 6. Нельзя открывать дверь

Павел приехал через три часа после звонка.

Лера за это время успела сделать слишком много бесполезных вещей: дважды проверить замок на двери, собрать в рюкзак документы Саши, потом выложить половину обратно, потому что выглядело это уже не как предусмотрительность, а как паника; позвонить в садик и сказать, что завтра Саша не придёт; открыть письмо фонда ещё раз, закрыть, открыть, прочитать каждую строчку так, будто между официальными фразами могло быть спрятано предупреждение.

“Просим рассмотреть возможность добровольного предоставления дополнительных данных...”

Добровольного.

Лера сидела за кухонным столом, смотрела на слово и чувствовала, как оно расплывается перед глазами. У Орловых всё всегда было добровольно. Добровольно подписать документы. Добровольно уехать. Добровольно молчать. Добровольно перестать существовать.

На плите остывал суп. На подоконнике лежали три каштана, которые Саша считал “семьёй”: большой — дедушка, средний — мама, маленький — он сам. Каштана-папы не было. Саша однажды сказал, что папа “наверное, укатился”.

Лера тогда улыбнулась.

Потом долго плакала в ванной, включив воду.

Сейчас Саша сидел в комнате на ковре и строил железную дорогу. Точнее, не железную, а “эвакуационную”, как он объяснил Марте: если динозавры попадают в шторм, поезд должен увезти их на гору. Марта, которая поднялась из кофейни сразу после звонка Павла, стояла у окна и смотрела вниз так, будто была готова бросить чашку в любого, кто остановится у подъезда.

— Нам надо уехать, — сказала она в третий раз.

Лера не ответила.

— Я серьёзно. Не завтра. Сегодня. Сейчас. У меня есть знакомая в Советске, у неё гостевой дом пустует до весны. Пересидите неделю, потом решим.

— Они найдут.

— Пусть сначала попробуют.

— Марта.

— Что Марта? — Она резко обернулась. — Ты пять лет прожила как человек, который заранее извиняется за то, что дышит. Хватит. У тебя ребёнок.

— Именно поэтому нельзя бежать вслепую.

Марта открыла рот, чтобы возразить, но в коридоре хлопнула дверь подъезда. Обе замолчали.

Шаги.

Чужие?

Нет. На третьем этаже старая соседка Галина Петровна всегда поднималась с остановкой между пролётами и тяжело вздыхала, как актриса в последнем акте. Вот и сейчас: шаг, скрип пакета, вздох.

Марта выдохнула первой.

— Я так скоро начну сидеть.

— Ты красишься.

— Буду сидеть под краской. Это трагичнее.

Лера почти улыбнулась, но улыбка не удержалась. В груди стояла тяжесть. Она не боялась Матвея в привычном смысле. Точнее, не только его. Она боялась всей той машины, которая

стояла за его фамилией: юристов, запросов, медицинских баз, людей в чёрных пальто, вежливых писем, слов “в интересах несовершеннолетнего”.

Когда Павел постучал, Марта схватила со стола нож.

— Господи, — сказала Лера. — Это хлебный.

— Им тоже можно объяснить позицию.

Павел вошёл мокрый, усталый, с серым лицом человека, который всю дорогу думал не о дороге. На нём была тёмная куртка, волосы прилипли ко лбу, в руках — медицинская сумка и тонкая папка.

Саша выскочил из комнаты первым.

— Дядя Паша!

И бросился к нему так доверчиво, что Лера почувствовала знакомый укол вины.

Павел присел, подхватил мальчика одной рукой, хотя тот был уже тяжёлый, длинноногий, почти школьник.

— Командир, докладывай. Маму слушался?

— Почти.

— Это честный ответ. Засчитывается.

— У нас эвакуация динозавров. Ты будешь начальником станции?

Павел посмотрел на Леру поверх Сашиной головы.

— Кажется, сегодня я и правда по этой части.

Марта фыркнула:

— Только не надо врачебного юмора. У нас тут и так весело, как в морге с караоке.

— Марта, — сказала Лера.

— А что? Пусть знает обстановку.

Павел опустил Сашу на пол.

— Дай нам десять минут, ладно? Потом приду на станцию.

— Взрослый разговор?

— Да.

— Про плохих людей?

Лера похолодела.

Марта отвернулась к окну.

Павел не стал врать сразу. Он вообще с Сашей почти никогда не сюсюкал, и за это мальчик его любил.

— Про сложных людей.

— А они могут стать хорошими?

— Иногда. Но редко быстро.

Саша подумал, потом кивнул, будто ответ соответствовал его внутренней классификации мира, и ушёл к поездам.

Кухня была маленькая, поэтому взрослым пришлось говорить почти плечом к плечу. Павел снял куртку, повесил на спинку стула, достал из папки распечатки. На бумаге были таблицы, коды, фамилии учреждений.

— Я выяснил, откуда мог всплыть маркер, — сказал он. — Помнишь госпитализацию в три года?

Лера кивнула.

— Тогда делали расширенную панель из-за осложнений после инфекции. Часть данных ушла в федеральную систему, а доступ к ней имеют партнёрские центры по редким заболеваниям. Формально всё законно.

— Формально, — повторила Марта. — Моё любимое слово мерзавцев.

Павел не отреагировал.

— Фонд Орловых сейчас курирует случай Миланы. Для поиска совместимых данных они могли расширить запрос. Проблема в другом: запрос был не просто по маркеру. Там фильтр по возрасту, полу и региону.

Лера медленно села.

— То есть они уже знали, кого искать?

— Возможно, подозревали.

— Матвей? — спросила она.

Павел посмотрел на неё слишком внимательно.

— Не знаю.

— Ты думаешь, он знает?

— Я думаю, что если он увидит дату рождения Саши, то начнёт считать.

На кухне стало тихо.

Из комнаты донеслось:

— Осторожно, мост сломан! Все в тоннель!

Лера закрыла глаза.

Пять лет она жила, веря, что правда о Саше спрятана не идеально, но достаточно глубоко. В маленьком городе, под девичьей фамилией, среди расписаний садика, работы, кашля, ботинок, мультиков, моря. Она не думала о крови как о следе. Кровь была жизнью. Теплом. Синяком на коленке. Температурой ночью. А не кодом в чужой базе.

— Можно отказаться? — спросила Марта.

Павел кивнул.

— От консультации — да. От дальнейших запросов — сложнее. Если они оформят всё через интересы больного ребёнка, начнутся официальные письма. Потом юристы. Потом давление через органы опеки, если захотят.

— Опеки? — Лера открыла глаза.

— Я не говорю, что это случится завтра.

— Но может.

Павел молчал.

Марта ударила ладонью по столу.

— Всё. Едем в Советск.

— Нет, — сказала Лера.

— Лер...

— Нет. Если мы побежим, это будет выглядеть так, будто я что-то скрываю.

Марта посмотрела на неё так, что Лере стало почти больно.

— Ты и скрываешь.

— Я защищаю сына.

— Для суда это разные слова только в наших головах.

Павел тихо сказал:

— Марта права в одном. Если Матвей включит юристов, история о сокрытии ребёнка будет против тебя.

— Он сам отказался от него!

— Он не знает этого.

Лера резко встала.

— Знает.

Павел не отвёл глаз.

— Лера.

— Он знает, — повторила она упрямо. — Я стояла перед ним. Я сказала. Я сказала ему, что это его ребёнок. Он выбрал бумагу. Он выбрал свою мать. Он выбрал Ирину. Он выбрал всё, кроме нас.

— Для суда важна не боль, а доказательства.

Эта фраза прозвучала не жестоко. Хуже — профессионально.

И оттого Лера вдруг почти возненавидела Павла. Не навсегда. Не по-настоящему. На одну секунду. За то, что он говорил правильно. За то, что он был рядом все эти годы и всё равно не мог отменить простой факт: в мире Орловых правда без печати ничего не стоила.

Телефон зазвонил.

Лера вздрогнула так сильно, что Марта тут же схватила его со стола.

— Жанна, — сказала она и поморщилась. — Твоя мама.

Лера взяла трубку.

— Мам?

— Лерочка, — голос Жанны Соколовой был тонким, сорванным. — Ты где?

— Дома.

— Саша с тобой?

— Да.

— Слава богу. Лерочка, мне звонили.

Кожа на руках стала холодной.

— Кто?

— Не знаю. Мужчина. Очень вежливый. Спросил, поддерживаю ли я связь с Валерией Андреевной Соколовой и её сыном. Сказал, что это связано с медицинским вопросом. Я ничего не сказала. Почти ничего. Я сказала, что ты взрослая и сама...

— Мам.

— Я испугалась!

Лера зажмурилась.

— Что ты сказала?

— Только что ты в Зеленоградске. Но они, кажется, и так знали. Лерочка, не возвращайся в Петербург. Слышишь? Не связывайся с ними. Они раздавят. Как тогда. Как твоего отца...

Она осеклась.

Лера почувствовала, как внутри поднимается старая злость. Не на мать даже. На этот тон. На вечное “не связывайся”, “пережди”, “молчи”, “живой надо остаться”. На жизнь, в которой выживание называли победой, потому что на настоящую победу никто уже не надеялся.

— Папу раздавили именно потому, что все молчали.

На другом конце стало тихо.

Потом Жанна заплакала.

— Ты думаешь, я не знаю?

Лера сразу пожалела.

Но слова уже вышли.

Павел смотрел в пол. Марта — в окно. Даже она молчала.

— Мам, прости.

— Нет, ты права. Наверное, права. Только я не хочу хоронить ещё и тебя.

Лера медленно села обратно.

— Я не дам им забрать Сашу.

— Ты одна не сможешь.

— Я не одна.

Она сказала это и сама не поняла, кого имеет в виду.

Марту?

Павла?

Себя пятилетней давности, которая выжила там, где должна была сломаться?

Или того ребёнка за стеной, который строил эвакуационную дорогу для динозавров и не знал, что держит её на земле крепче любого взрослого?

— Запри дверь, — сказала Жанна. — И никому не открывай.

Лера посмотрела на замок.

— Уже.

Когда она отключилась, в дверном проёме стоял Саша.

В руках — зелёный динозавр без лапы.

Лера не знала, сколько он слышал.

— Мы снова переезжаем? — спросил он.

И этот вопрос ударил сильнее всех юридических угроз.

Не “что случилось”, не “кто звонил”, не “плохие люди придут”. А именно — снова.

Потому что для него переезды были не приключением. Они были её тревогой, сложенной в коробки. Новыми шторами, новыми маршрутами, новой просьбой не говорить лишнего чужим взрослым.

Лера встала на колени перед ним.

— Нет.

— Точно?

— Точно.

— А если плохие сложные люди придут?

Она осторожно поправила ему воротник домашней кофты.

— Тогда я с ними поговорю.

Саша нахмурился.

— Ты иногда после разговоров плачешь.

Марта резко отвернулась.

Павел закрыл глаза.

А Лера улыбнулась сыну — не для него даже, а вопреки всему.

— Иногда взрослые плачут не потому, что проиграли. А потому что долго держались.

Саша подумал, потом обнял её за шею. Неловко, крепко, с динозавром, больно ткнувшим её в плечо.

— Я тоже буду держаться.

Вот этого она не вынесла.

Лера прижала его к себе и несколько секунд не могла говорить.

— Тебе не надо, — прошептала она. — Это моя работа.

— А моя?

— Твоя — строить поезда. И есть суп.

— Суп холодный.

— Разогреем.

Павел остался до вечера. Он проверил Сашины старые анализы, сделал пару звонков, говорил с кем-то коротко и жёстко, иногда выходя на лестничную площадку. Марта закрыла кофейню раньше обычного и принесла наверх хлеб, сыр, молоко, шоколадку для Саши и бутылку вина, которую поставила на стол со словами:

— Это не тебе. Это мне смотреть, как вы все героически не пьёте.

К восьми вечера квартира почти успокоилась.

Саша заснул на диване под пледом, не дождавшись конца мультика. Павел перенёс его в кровать. Лера стояла в дверях и смотрела, как сын сонно цепляется за рукав его свитера.

— Не уходи, — пробормотал Саша.

— Я в кухне, командир.

— Станцию охраняй.

— Принято.

Лера ничего не сказала, но когда Павел вышел из комнаты, между ними снова повисло то, что они оба годами обходили стороной.

Он был рядом.

Слишком рядом, чтобы это ничего не значило.

И недостаточно, чтобы Лера могла назвать это любовью.

— Спасибо, — сказала она.

— Не надо.

— Надо.

Павел устало провёл рукой по лицу.

— Лера, благодарность — плохой фундамент.

Она посмотрела на него.

— Для чего?

Он не ответил.

И хорошо.

Потому что ответ сейчас был бы лишним. Опасным. Несправедливым ко всем трим: к нему, к ней и к мальчику, который считал Павла начальником станции, но однажды мог спросить, почему у начальника станции нет права называться отцом.

Внизу, у подъезда, остановилась машина.

Звук был почти неслышный — хороший двигатель, мягкие тормоза. Но в маленьком доме над кофейней все чужие машины звучали слишком громко.

Марта первой подошла к окну.

— Чёрная, — сказала она. — Дорогая. Мерзкая.

Павел встал рядом.

Лера не двигалась.

Сначала она подумала: Матвей.

И сердце сделало то, за что она себя ненавидела: не только испугалось, но и узнало.

Но из машины вышел не он.

Мужчина в чёрном пальто. Высокий, аккуратный, без зонта. Он поднял голову к окнам, будто точно знал, где они стоят, потом спокойно вошёл в подъезд.

— Не открывать, — сказал Павел.

Марта уже держала телефон.

— Я вызываю полицию.

— За что? — спросила Лера. — За дорогое пальто?

— За подозрительную рожу.

Стук в дверь был негромким.

Вежливым.

От этого стало хуже.

Лера подошла к двери, но не открыла.

— Кто?

— Валерия Андреевна Соколова? — Голос был мужской, ровный. — Курьерская доставка. Документы для вас.

Павел жестом приказал молчать.

Лера посмотрела в глазок.

Мужчина стоял не слишком близко. Лицо спокойное, незнакомое. В руках плотный белый конверт без логотипа.

— Оставьте у двери, — сказала Лера.

— Требуется личное вручение.

— Я сказала: оставьте у двери.

Пауза.

— Как вам будет угодно.

Он наклонился, положил конверт на коврик. Не ушёл сразу. Достал из внутреннего кармана ещё что-то маленькое и положил сверху.

Потом сказал, глядя прямо в глазок:

— Матвей Григорьевич просил передать, что ждёт ответа до завтрашнего вечера.

И ушёл.

Они слушали его шаги. Потом хлопнула дверь подъезда. Потом машина отъехала.

Ещё минуту никто не двигался.

— Не трогай, — сказал Павел.

Лера всё равно открыла дверь.

Конверт был тяжёлым. Дорогая плотная бумага, её имя напечатано полностью: *Валерия Андреевна Соколова*.

Без “Орлова”.

Даже это выглядело как насмешка.

Сверху лежала визитка.

Чёрная. Матовая. С серебряным тиснением.

Матвей Орлов.

На обороте — несколько слов от руки.

Лера узнала этот почерк сразу.

Пять лет назад она думала, что забыла его. Но память предала мгновенно: резкий наклон, сильный нажим, короткая горизонтальная черта у буквы “т”.

“Я приеду сам, если ты не ответишь”.

Марта выругалась.

Павел тихо сказал:

— Он уже едет.

Лера не ответила.

Она смотрела на визитку и вдруг почувствовала странное спокойствие. Не смелость. Не уверенность. Просто ту мёртвую ясность, которая приходит, когда самое страшное перестаёт быть возможностью и становится фактом.

Матвей нашёл их.

Прошное стояло у двери.

И на этот раз Лера не имела права убежать так, чтобы Саша снова спросил: “Мы переезжаем?”

Она вскрыла конверт.

Внутри было официальное приглашение на консультацию по делу Миланы Лазаревой, запрос на добровольное предоставление расширенных медицинских данных несовершеннолетнего Александра Соколова и юридическое уведомление о возможном обращении фонда в компетентные органы “в интересах жизни и здоровья ребёнка-пациента”.

Внизу стояла подпись.

Олег Резников.

Лера провела пальцем по этой фамилии.

Пять лет.

А почерк у ада всё тот же.

Она подняла глаза на Павла и Марту.

— Завтра я отвечу.

— Что? — Марта шагнула к ней. — Ты с ума сошла?

Лера сложила документы обратно.

— Нет.

В комнате зашевелился Саша. Сонно позвал:

— Мам?

Лера повернулась к его двери.

— Я здесь.

И впервые за день эти слова прозвучали не как утешение ребёнку.

А как обещание.

Глава 7. Чужой сын

Матвей приехал в Зеленоградск без водителя.

Это было глупо.

С точки зрения безопасности, расписания, здравого смысла и всего того, что обычно называлось его жизнью, — глупо. Служба безопасности предлагала машину сопровождения, ассистентка просила хотя бы взять с собой юриста, Резников успел прислать три сообщения с формулировками вроде “не рекомендую личный контакт до правовой оценки ситуации”.

Матвей прочитал только первое.

Потом выключил уведомления.

Он не хотел правовой оценки.

Впервые за много лет он хотел увидеть своими глазами то, что бумаги либо скрывали, либо убивали.

Дорога из Петербурга была длинной, мокрой, бесконечной. За стеклом тянулись серые поля, тёмные полосы леса, заправки с тусклым светом и редкие грузовики, поднимающие за собой грязную водяную пыль. Навигатор говорил спокойным женским голосом, что до цели осталось то два часа, то час сорок, то пятьдесят минут, а Матвей всё равно не чувствовал приближения. Казалось, он ехал не в Калининградскую область, а назад — в ту ночь, к закрытой комнате, к снимку УЗИ, к маленьким носкам в своей ладони.

К чужому решению, которое он тогда назвал своим.

На пассажирском сиденье лежала папка. Он взял её с собой почти машинально, хотя ненавидел уже сам её вид.

Соколов Александр Валерьевич.

Пять лет.

Место проживания: Зеленоградск.

Мать: Соколова Валерия Андреевна.

Отец: сведения отсутствуют.

Сведения отсутствуют.

Матвей повторял эту строку всю дорогу, пока она не стала звучать как приговор.

Не “отец неизвестен”. Не “отец умер”. Не “отец отказался”.

Отсутствует.

Так аккуратно канцелярия умела описывать человеческую пустоту.

У въезда в город море ещё не было видно, но уже чувствовалось: воздух стал влажнее, тяжелее, с солью и чем-то железным. Зеленоградск оказался не таким, каким он представлял себе место, где могла жить Лера. Не глухим убежищем, не забытым краем. Маленький, мокрый, упрямый город с низкими домами, черепичными крышами, вывесками кофеен, пустым променадом и чайками, которые ходили по тротуару так самоуверенно, будто все люди были здесь временно.

Он припарковался не у дома.

Раньше бы подъехал прямо к подъезду.

Раньше бы вышел, поднялся, постучал, потребовал разговора.

Раньше он вообще редко думал, как его появление выглядит для другого человека.

Теперь сидел в машине за углом и смотрел на узкую улицу, где, по данным службы безопасности, находилась кофейня Марты Климовой, а над ней — квартира Леры.

На первом этаже горел тёплый свет. На стекле мелом было написано: “Кофе есть. Чудес нет. Но мы стараемся”.

Матвей почти усмехнулся.

Он не знал эту Марту, но уже не любил.

Потому что она была частью жизни, которую Лера построила без него.

Минут через двадцать дверь кофейни открылась.

Сначала вышла Лера.

Матвей не сразу вдохнул.

Пять лет.

Он видел её на фотографии. Готовил себя. Убеждал, что взрослый человек не может быть сбит с ног образом женщины, с которой развёлся полдесятилетия назад. Что память преувеличивает. Что чувство вины, если это оно, не имеет права притворяться чем-то другим.

Но живая Лера оказалась не фотографией.

Она была в тёмном пальто, простом шарфе, без каблуков. Волосы собраны кое-как, несколько прядей выбились у виска. В одной руке пакет, в другой — детская шапка. На лице усталость. Не трагическая, не красивая. Обычная усталость женщины, которая весь день работала, думала о деньгах, спорила с ребёнком из-за супа и всё равно держалась прямо.

Матвей вспомнил Леру в белом платье, у дверей гостиничного номера, с глазами, в которых ещё теплилась надежда, что он всё исправит.

Этой Леры больше не было.

Перед ним стояла другая.

Не мягче. Не слабее.

Взрослее.

И почему-то это ударило сильнее, чем он ожидал.

Следом из кофейни выбежал мальчик.

Жёлтая шапка, расстёгнутая куртка, рюкзак с динозавром, слишком длинный шарф, который Лера тут же поймала и начала наматывать ему вокруг шеи. Мальчик сопротивлялся, смеялся, что-то говорил быстро, размахивая руками.

Матвей открыл дверь машины, но не вышел.

Не смог.

Саша повернулся боком.

Потом лицом.

Время не остановилось. Не заиграла драматичная музыка. Никто вокруг не обернулся. Чайка на фонаре издала хриплый крик, из кофейни вышла женщина с короткими рыжеватыми волосами и вынесла пакет мусора, где-то проехал велосипедист в дождевике.

А у Матвея внутри что-то рухнуло окончательно.

Мальчик был похож на Леру.

Разрезом глаз, линией губ, живым выражением лица. Но когда он нахмурился, уворачиваясь от шарфа, когда сжал челюсть и упрямо сказал что-то матери, Матвей увидел себя.

Не сходство по фотографии.

Не предположение по дате.

Кровь.

Она стояла перед ним в жёлтой шапке и пыталась доказать матери, что ветер “не такой уж холодный”.

Лера присела перед сыном на корточки, застегнула куртку, сказала что-то строгое. Мальчик вздохнул с видом человека, несущего тяжёлую несправедливость, потом вдруг обнял её за шею.

Быстро. Неловко. Почти стесняясь собственной нежности.

Матвей отвернулся.

На секунду.

Этого оказалось достаточно, чтобы горло перехватило.

Он не присутствовал при первом шаге. Не слышал первого слова. Не держал его во время температуры. Не знал, как он засыпает, чего боится, что любит, какие сказки просит читать, ест ли кашу, почему носит жёлтую шапку, кто купил ему этот рюкзак.

Пять лет существовал человек, которого могло не быть в его жизни только по одной причине: Матвей позволил ему отсутствовать.

Лера взяла Сашу за руку и пошла к подъезду.

Матвей вышел из машины.

Рыжеватая женщина у кофейни заметила его первой.

Это, видимо, и была Марта.

Её лицо изменилось мгновенно: из хозяйки маленькой кофейни она превратилась в сторожевую собаку, которой не надо объяснять, где враг. Она бросила пакет у двери и шагнула вперёд.

Лера проследила её взгляд.

Остановилась.

Саша тоже остановился, но не сразу понял почему.

Матвей стоял через дорогу.

Между ними проехала машина, подняв воду из лужи. На секунду Лера исчезла за грязным всплеском, а когда снова появилась, лицо у неё было уже совсем другим.

Не испуганным.

Закрытым.

Таким он не видел его даже пять лет назад. Тогда в ней ещё была боль, открытая и живая. Сейчас — стена.

Матвей сделал шаг к переходу.

Лера крепче взяла сына за руку.

Марта что-то сказала ей, резко, быстро. Лера ответила, не сводя глаз с Матвея. Потом наклонилась к Саше.

— Иди наверх.

Мальчик посмотрел на неё, потом на Матвея.

— Это он?

Лера замерла.

Матвей слышал, хотя стоял слишком далеко.

Детский голос иногда режет воздух точнее взрослого крика.

— Саша, наверх, — сказала Лера.

— Мам...

— Сейчас.

Марта подошла к мальчику.

— Пошли, командир. У меня там печенье, которое официально нельзя перед ужином.

— А неофициально?

— Неофициально я плохой пример.

Саша не сразу двинулся. Он всё ещё смотрел на Матвея. Не испуганно. Внимательно. Почти с исследовательским интересом.

Матвей вдруг понял: мальчик не знает, кто перед ним.

И одновременно — что-то знает.

Дети, кажется, чувствуют тайны кожей.

Марта увела Сашу в подъезд. Лера осталась у двери.

Матвей перешёл дорогу.

Дождь начал усиливаться, мелкий, косой. Лера не подняла капюшон. Он тоже.

Они остановились в двух шагах друг от друга.

Пять лет назад между ними были стол, документы, Тамара, Ирина, ложь.

Теперь — мокрый асфальт и ребёнок за дверью подъезда.

— Валерия, — сказал Матвей.

Она чуть заметно вздрогнула.

Не от имени.

От голоса, наверное.

— Не называй меня так.

Раньше он называл её Лерой только дома. При людях — Валерия. Иногда Валерия Андреевна, если хотел подразнить. Сейчас “Валерия” прозвучало так, будто он пытался вернуть право, которого давно лишился.

— Лера.

— Тоже не надо.

Он принял это. С трудом, но принял.

— Нам нужно поговорить.

Она усмехнулась.

— Удивительно. Пять лет назад тебе нужно было, чтобы я молчала.

— Пять лет назад...

— Не начинай.

Слова ударили, как пощёчина. Не громко. Без истерики.

Матвей сжал пальцы.

— Я не приехал спорить.

— Правда? А конверт с подписью Резникова приехал просто погулять у моря?

— Конверт отправил фонд.

— Фонд — это ты.

— Нет.

— Орловы всегда так говорят, когда им удобно. “Это не я, это юристы”. “Это не мы, это обстоятельства”. “Это не угроза, это официальный запрос”.

Он молчал.

Потому что возразить было нечем.

Лера посмотрела на его машину.

— Ты один?

— Да.

— Без матери? Без Ирины? Без человека, который объяснит мне юридическую силу моего страха?

— Один.

— Какая смелость.

Он выдержал.

Раньше не выдержал бы. Сказал бы холодно, приказал, потребовал, напомнил, кто он. Сейчас понимал: каждое такое движение только подтвердит её право ненавидеть.

— Речь о Милане, — сказал он.

Лера медленно повернулась к нему.

— Не прикрывайся детьми.

— Я не прикрываюсь.

— Прикрываешься. В вашем мире дети всегда появляются в нужный момент: на афишах фонда, в отчётах, в суде, в медицинских запросах. Очень удобно. Живой ребёнок — самый благородный способ прийти туда, куда тебя не звали.

Матвей впервые увидел, как она стала говорить.

Раньше Лера, когда ей было больно, путалась. Сердилась, краснела, пыталась объяснить слишком много. Эта женщина говорила коротко, точно, будто каждое слово за пять лет прошло огранку.

— Милана больна, — сказал он. — Ей нужны данные.

— Мне жаль.

— Но?

— Но мой сын не ваша лаборатория.

Мой сын.

Матвей почувствовал, как внутри поднялось что-то тёмное и горячее. Не злость даже. Инстинкт, которому не было места в юридических формулировках.

— Твой сын, — повторил он.

Лера сразу уловила интонацию.

— Да. Мой.

— У него есть отец?

Вопрос вырвался раньше, чем он успел его обдумать.

Лера побледнела.

На мгновение между ними снова возникла та закрытая комната. Стол. Папка. Печать. Его голос: “Чей ребёнок у тебя под сердцем?”

Он понял это по её лицу.

Слишком поздно.

— У него есть мать, — сказала она. — Этого оказалось достаточно.

— Я видел дату рождения.

— Поздравляю.

— Лера.

— Нет.

— Он мой?

Она смотрела на него долго.

Море шумело где-то за домами. Чайки орали над крышей. В подъезде хлопнула дверь, кто-то спустился, увидел их и быстро отвернулся, делая вид, что чужие драмы его не касаются.

Лера сказала:

— Пять лет назад я уже отвечала на этот вопрос.

У Матвея пересохло во рту.

— Тогда были документы.

Она улыбнулась.

Вот это было страшнее всего.

Улыбка без капли радости.

— Конечно. Как я могла забыть? У Орловых документы рожают детей, любят мужей и говорят правду вместо женщин.

Он опустил взгляд.

— Я хочу всё проверить.

— Вот теперь я слышу тебя прежнего.

— Ты скрывала ребёнка.

— Я спасала ребёнка.

— От меня?

— В том числе.

Она произнесла это без удовольствия. Не чтобы ранить. Просто как факт.

От меня.

Матвей не знал, как выдержать эти два слова. Все его победы, активы, связи, фамилия, репутация — всё оказалось бессмысленным перед тем, что женщина, которую он любил, пять лет считала его угрозой для собственного ребёнка.

И, возможно, имела на это причины.

— Я имею право знать, — сказал он тихо.

— Нет.

Он поднял глаза.

— Нет?

— Право было у тебя тогда. В той комнате. Когда я стояла перед тобой с твоим ребёнком внутри и просила поверить мне, а ты смотрел на бумагу. Всё, что было после, — последствия.

— Ты не можешь решать это одна.

— Правда? — В её голосе впервые дрогнула злость. — А кто решал со мной, когда меня выставляли из дома? Кто спрашивал меня, хочу ли я подписывать вашу тишину? Кто интересовался, есть ли мне где жить, когда у меня началось кровотечение? Кто решал со мной, Матвей?

Он будто получил удар.

— Кровотечение?

Лера сразу замкнулась.

Поняла, что сказала лишнее.

— Неважно.

— Важно.

— Для кого?

Он шагнул ближе.

— Что случилось той ночью?

— Не подходит.

Матвей остановился.

В её глазах был не просто гнев.

Страх.

Старый. Глубокий. Въевшийся настолько, что ему уже не нужно было быть громким.

Он отступил на полшага.

— Я не причиню тебе вреда.

Лера посмотрела на него так, будто эта фраза была почти неприличной.

— Ты уже причинил.

Снова открылась дверь подъезда.

Марта стояла внутри, держа Сашу за плечи. Видимо, мальчик вырвался из квартиры или уговорил её спуститься. Он был без шапки, с растрёпанными волосами, в руках держал маленькую чёрную визитку.

Ту самую.

Матвей понял это сразу.

Лера обернулась.

— Саша, я сказала наверх.

— Она упала, — сказал мальчик.

Он смотрел не на мать.

На Матвея.

— У вас такая же фамилия, как у плохих людей, от которых мама плачет?

Марта закрыла глаза.

Лера стала белой.

А Матвей вдруг почувствовал, что все слова, которые он готовил всю дорогу, — про Милану, анализы, право знать, необходимость разговора, — рассыпались бесполезной пылью.

Перед ним стоял мальчик.

Его, возможно, сын.

Пятилетний. В домашнем свитере, с упрямым подбородком, с глазами, которые не умели ещё прятать боль за вежливостью.

И спрашивал не о ДНК.

Не о документах.

О том, почему его мать плачет.

Матвей присел на корточки.

Не потому что решил. Тело сделало это само.

Так, чтобы не нависать. Не пугать. Не быть Орловым в чёрном пальто.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Саша нахмурился.

— Вы знаете.

— Знаю. Но хочу, чтобы ты сам сказал.

— Саша.

— Матвей.

— Я видел вас в компьютере.

— Я знаю.

— Вы богатый?

Лера тихо выдохнула:

— Саша...

Матвей не отвёл взгляда от мальчика.

— Да.

— Очень?

— Достаточно.

— Тогда почему вы грустный?

Вопрос был настолько неожиданным, что Марта тихо хмыкнула, но тут же замолчала.

Матвей посмотрел на Леру.

Она стояла неподвижно.

Потом снова на Сашу.

— Потому что сделал много ошибок.

Мальчик подумал.

— Мама говорит, ошибки надо исправлять, а не прятать.

— Мама права.

Лера резко отвернулась.

Саша протянул ему визитку.

— Это ваше.

Матвей взял.

Их пальцы почти коснулись. Маленькая рука, тёплая, живая. Кожа в кожу. Ничего мистического. Никакого грома.

Но внутри Матвея что-то надломилось так тихо и окончательно, что он понял: после этого прикосновения прежним он уже не будет.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста.

Саша посмотрел на его лицо ещё внимательнее.

— Вы не будете маму обижать?

Лера закрыла глаза.

Матвей не сразу ответил.

Потому что лёгкий ответ был бы ложью.

Он уже обидел.

Так сильно, что ребёнок вырос рядом с этой болью, как рядом с мебелью в доме.

— Я постараюсь больше не делать этого, — сказал он.

Саша нахмурился.

— Постараюсь — это не обещание.

— Нет, — согласился Матвей. — Не обещание.

— А вы обещайте.

Марта тихо сказала:

— Вот это деловой подход.

Лера шагнула к сыну.

— Саш, хватит.

— Я просто спрашиваю.

Матвей поднялся.

— Я обещаю, что сегодня не буду делать ничего против твоей мамы.

Лера посмотрела на него резко.

— Сегодня?

— Я не буду врать ему вечно, — сказал Матвей ей. — Я не имею на это права.

Это было первое честное, что он сказал за весь разговор.

И, кажется, именно поэтому Лера не нашла ответа сразу.

Саша удовлетворённо кивнул, будто временное соглашение его устроило.

— Тогда можно ему зайти? — спросил он у Леры.

— Нет, — одновременно сказали Лера, Марта и Павел.

Матвей только теперь увидел Павла в глубине подъезда.

Тот стоял на лестнице выше, в тени, с руками в карманах. Не вмешивался — пока. Но в его лице было всё: бессонная ночь, злость, право человека, который был рядом, когда Матвея не было.

Старое имя снова подняло старую ревность.

Но теперь она уже не могла быть простой.

Павел посмотрел на него спокойно.

— Матвей.

— Исаев.

Саша оглянулся.

— Вы знакомы?

— Да, — сказал Павел.

— Нет, — сказала Лера.

Мальчик нахмурился.

— Так да или нет?

— Сложно, — ответила Марта. — Очень взрослое слово, запомни.

Саша вздохнул.

— У взрослых всё сложно.

— Именно поэтому тебе надо наверх, — сказала Лера и взяла его за руку.

На этот раз он не спорил. Но перед тем как уйти, обернулся к Матвею:

— У нас суп. Но он холодный.

И исчез в подъезде вместе с Мартой.

Остались трое.

Лера, Матвей, Павел.

На мокрой улице, у старого дома, над кофейней, где чудес не обещали.

Павел спустился на последнюю ступень.

— Разговор окончен.

Матвей посмотрел на Леру.

— Это она решает.

— Пять лет назад ты так не считал, — сказал Павел.

Лера резко повернулась к нему.

— Паша.

В её голосе была просьба. Не защита Матвея — усталость. Она не хотела, чтобы за неё снова говорили мужчины, даже если один пытался спасти, а другой — вернуть то, что сам разрушил.

Павел понял. Замолчал.

Матвей тоже понял.

И это оказалось неприятно: Исаев знал её нынешнюю тишину лучше, чем он.

Лера подняла глаза на Матвея.

— Завтра я дам официальный ответ по Милане. Через Павла. Анализы — только в независимой лаборатории. Никакого контакта с Сашей без моего согласия. Никаких юристов у моей двери. Никаких людей в чёрных пальто. Ещё раз кто-то придёт без предупреждения — я подам заявление.

— Лера...

— Это не переговоры.

Он кивнул.

— Хорошо.

Кажется, она не ожидала.

— Что хорошо?

— Все условия. Хорошо.

Павел насторожился.

Лера тоже.

Матвей увидел это и едва не усмехнулся. Даже согласие теперь выглядело ловушкой, если исходило от него.

— Я не пришлю Резникова, — сказал он. — И сам не приду без предупреждения.

— Ты уже пришёл.

— Да.

— Зачем?

Ответов было много.

Милана. Маркер. Дата рождения. Подозрение. Сын. Вина. Страх. Невозможность остаться в Петербурге, пока Лера снова становится строкой в чужой папке.

Но вслух он сказал только:

— Хотел увидеть тебя.

Лера замерла.

Павел отвернулся.

Марта где-то наверху громко сказала Саше, что суп — не объект для научного эксперимента.

Жизнь продолжалась совершенно неприлично.

Лера тихо спросила:

— Увидел?

Матвей смотрел на неё. На усталые глаза, мокрые волосы у виска, пальцы, всё ещё чуть дрожащие после разговора. На женщину, которая когда-то была его домом и стала крепостью против него.

— Да.

— И что?

Он не стал говорить “ты изменилась”. Это было бы слишком мало.

Не стал говорить “прости”. Слишком рано. Слишком дешево.

Не стал говорить “он мой”. Не имел права.
— Ты выжила, — сказал он.
Лера усмехнулась.
— Разочарован?
— Нет.
— Жаль.
Она развернулась к подъезду.
— Лера.
Она остановилась, но не повернулась.
— Что бы ты ни думала обо мне, я не позволю причинить вред Саше.
Теперь она обернулась.
— Самая большая опасность для Саши сейчас — твоя фамилия.
Матвей принял удар молча.
Она вошла в подъезд.
Павел задержался на секунду.
— Если ты правда хочешь не навредить, держи своих подальше.
— А ты? — спросил Матвей.
— А я уже пять лет рядом.
Это не было похвальбой.
Это был факт.
Павел закрыл дверь.
Матвей остался под дождём.
На ладони у него лежала визитка, которую вернул мальчик. На чёрной матовой поверхности остался маленький влажный след от детских пальцев.
Он долго смотрел на него.
Потом поднял глаза на окна второго этажа.
В одном из них мелькнула жёлтая шапка. Саша, видимо, забрался на стул посмотреть вниз. Рядом появилась Лера, быстро задёрнула штору.
Матвей не обиделся.
Не имел права.
Он вернулся к машине, сел за руль, но не сразу завёл двигатель.
Телефон показывал семь пропущенных от Тамары, три от Ирины, два от Резникова.
Матвей выключил звук.
Потом открыл сообщение ассистентке и написал:
“Все действия по Валерии Соколовой и её сыну — только через меня. Резникову доступ закрыть до моего отдельного распоряжения”.
Он нажал отправить.
Через минуту пришёл ответ:
“Тамара Григорьевна уже запрашивала обновление по мальчику”.
Матвей прочитал сообщение дважды.
Потом посмотрел на тёмное окно квартиры над кофейней.
“Не предоставлять”, — написал он.
И впервые за много лет отказал матери раньше, чем она успела объяснить, почему он обязан согласиться.

Глава 8. Цена анализа

Утром море было белым.

Не серым, не синим, не стальным — именно белым, взбитым ветром до пены, злым и слепым. Оно билось о волнорезы с таким глухим упрямством, будто всю ночь пыталось выбить из берега признание.

Лера стояла у окна с кружкой холодного чая и смотрела вниз, на улицу.

Машины Матвея не было.

Это должно было успокаивать.

Не успокаивало.

Иногда отсутствие угрозы пугало сильнее самой угрозы. Если Орловы не стояли у двери, значит, они действовали где-то в другом месте: звонили, подписывали, запрашивали, обсуждали, составляли документы. Лера слишком хорошо знала этот тип тишины. В доме Орловых самые страшные решения принимались не на повышенных тонах, а за закрытыми дверями, под стук ложечки о фарфор.

На столе лежал конверт.

Она не убирала его всю ночь. Сначала потому, что боялась снова открыть. Потом потому, что боялась забыть, что он существует. Глупо, конечно. Такое не забывают. Но бумага на столе делала угрозу предметной: её можно было тронуть, отодвинуть, сложить пополам.

В отличие от прошлого.

Саша ещё спал. Ночью он дважды приходил к ней: первый раз сказал, что ему приснился поезд без рельсов, второй — просто залез под бок и мгновенно уснул, прижавшись лбом к её плечу. Лера не спала почти до рассвета. Слушала его дыхание и думала о Матвее, который вчера стоял под дождём и говорил: “Хотел увидеть тебя”.

Как будто это могло что-то объяснить.

Как будто увидеть — значит понять.

Как будто он имел право смотреть.

На кухню вошла Марта в длинном свитере поверх домашней футболки и с лицом человека, который уже заранее ненавидит новый день.

— Кофе есть?

— В кофейне.

— Я спрашиваю не как предприниматель, а как умирающий организм.

— В банке над плитой.

Марта открыла шкафчик, достала банку, понюхала и поморщилась.

— Это не кофе. Это пыль надежды.

— Другого нет.

— Вот поэтому нельзя связываться с миллиардерами. Они портят женщине стандарты, а потом оставляют её с растворимым.

Лера почти улыбнулась.

Марта была в её квартире с вечера. Сначала заявила, что “просто посидит, пока Павел закончит звонки”, потом что “ляжет на диване на полчаса”, потом заснула в кресле, обняв телефон и хлебный нож, который так и не вернула на кухню.

Павел ушёл под утро. Сказал, что ему нужно встретиться с коллегой из лаборатории, и обещал вернуться к десяти.

Лера посмотрела на часы.

Девять сорок.

— Ты решила? — спросила Марта уже без шуток.

Лера знала, о чём она.

— Нет.

— Тогда я решила за тебя. Отказ.

— Ты не можешь решить за меня.

— Могу. Я твой голос разума с плохим характером.

— Разум не всегда говорит “бежать”.

— А зря. Иногда это единственное умное слово.

Лера взяла конверт, вытащила документы. Официальные фразы за ночь не изменились. Бумага всё так же вежливо просила “добровольного содействия”. Всё так же упоминала жизнь и здоровье несовершеннолетней пациентки. Всё так же заканчивалась подписью Олега Резникова.

— Там больная девочка, — сказала Лера.

Марта поставила чайник слишком резко.

— Там Ирина.

— Там Милана.

— Милана — дочь Ирины.

— И что? Ей четыре года.

Марта замолчала.

Это был плохой аргумент для спора, потому что хороший. Взрослые могли быть какими угодно: лживыми, жестокими, трусливыми, опасными. Дети не выбирали, в чью фамилию родиться и чьими грехами потом лечиться.

— Они возьмут анализ, — сказала Марта наконец. — Потом скажут: о, какое интересное совпадение, а давайте-ка проверим родство. Потом появится Матвей со своим “я имею право”. Потом Резников. Потом суд. Потом Тамара в жемчугах расскажет, что ты нестабильная мать, которая скрывала ребёнка.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Ты всё ещё думаешь, что если вести себя честно, они тоже будут соблюдать правила.

Лера подняла глаза.

— Я так не думаю уже пять лет.

Марта осеклась.

Из комнаты донеслось сонное:

— Мам, я слышал про анализ.

Лера закрыла глаза на секунду.

Конечно.

В этой квартире стены были тонкие, а детская тревога — ещё тоньше. Она проходила через двери, шёпот, выключенный свет, взрослые попытки улыбаться.

Саша стоял в проходе босиком, в пижаме с космическими ракетами. Волосы торчали в разные стороны, лицо было серьёзным и помятым после сна. В руках он держал зелёного динозавра, которому вчера так и не удалось приклеить лапу.

— Доброе утро, — сказала Лера мягко.

— У кого анализ?

Марта подняла глаза к потолку.

— Всё. Взрослые проиграли разведке.

Лера присела перед сыном.

— Помнишь, я говорила, что есть девочка, которой нужна помощь врачей?

— Милана?

Лера вздрогнула.

— Ты запомнил?

— Ты вчера сказала. И дядя Паша. И Марта сказала, что богатые бывшие — диагноз, но это я не понял.

— Это тебе пока не надо понимать, — быстро сказала Марта.

Саша подошёл к столу, посмотрел на бумаги, потом на Леру.

— А мой анализ может ей помочь?

Лера не хотела отвечать.

Но не ответить — тоже было ответом.

— Возможно.

— А мне будет больно?

— Если только брать кровь, то немного. Как комар, только вредный и в белом халате.

Он подумал.

— А она умрёт, если не помочь?

Марта резко отвернулась к окну.

Лера почувствовала, как сердце сжалось.

— Мы не знаем.

— Но может?

— Может.

Саша нахмурился. Челюсть сжалась по-матвеевски, и Лера почти физически ощутила, как прошлое стоит рядом.

— Тогда надо помочь.

Так просто.

Без документов. Без фамилий. Без измены, Резникова, Тамары, гостиничного номера, белого пальто, пяти лет страха.

Больному ребёнку нужна помощь.

Значит, надо помочь.

Лера провела ладонью по его волосам.

— Саш, иногда взрослые используют помощь, чтобы сделать плохо другим людям.

— Зачем?

— Потому что взрослые часто испорченные, — сказала Марта.

— Все?

— Нет, — ответила Лера. — Не все.

Саша посмотрел на неё внимательно.

— Тот дядя Матвей испорченный?

Марта замерла у окна.

Лера убрала руку с волос сына.

— Я не знаю.

Это был первый честный ответ о Матвее за пять лет.

Саша воспринял его серьёзно.

— Он грустный.

— Ты вчера уже говорил.

— Грустные иногда делают плохое?

— Иногда.

— А хорошие?

— Тоже.

Он вздохнул, будто взрослый мир окончательно разочаровал его своей небрежной системой.

— Тогда надо сделать так, чтобы он не мог сделать плохое. Но девочке помочь.

Марта медленно повернулась к Лере.

— Ненавижу, когда ребёнок умнее всех в комнате.

Стук в дверь заставил всех замолчать.

Саша сразу прижался к Лере.

Марта шагнула к коридору, но Лера остановила её жестом. Второй раз за сутки дверь стала границей между жизнью и тем, что пыталось войти.

— Кто?

— Я, — ответил Павел.

Лера открыла.

Павел выглядел так, будто не спал совсем. Под глазами тени, щёки впали, волосы ещё влажные от дождя. В руках — папка, медицинский контейнер и пакет из аптеки.

— Новости? — спросила Лера.

Он вошёл, посмотрел на Сашу.

— Доброе утро, командир.

— Мы решаем про анализ.

— Уже?

— Я сказал, что девочке надо помочь, но плохим людям нельзя давать лишнее.

Павел перевёл взгляд на Леру.

— Звучит как рабочая позиция.

— Вот, — сказала Марта. — Берём ребёнка в адвокаты.

Павел сел за стол, открыл папку.

— Я поговорил с коллегой. Есть вариант. Независимая лаборатория в Калининграде. Не связана с Орловыми напрямую. Материал можно сдать там, результаты получу я как направивший врач. Орловым уйдёт только та часть данных, которая нужна для случая Миланы. Без полного генетического профиля Саши.

Лера села напротив.

— Это возможно?

— Медицински — да. Юридически надо оформить согласие правильно. Никакого доступа к первичным данным без твоего отдельного разрешения. Никакого хранения образца после исследования. Никакого использования вне конкретного запроса.

— И они согласятся? — спросила Марта.

Павел помолчал.

— Матвей — возможно.

— А остальные Орловы? — спросила Лера.

— Нет.

Ответ был прямой.

И от этого даже легче.

— Тогда они будут давить.

— Будут.

— Через Милану.

— Да.

— Через суд?

— Если захотят.

Марта села на подоконник.

— Чудесное утро. Кто-нибудь ещё хочет хлебнуть пыли надежды?

Лера не улыбнулась.

— Паша, если мы откажемся?

— Они всё равно найдут другой путь. Запросят через фонд, через федеральный центр, через опеку, через суд. Формально у них есть больной ребёнок. Это сильная позиция.

— А у меня?

Он посмотрел на неё.

— У тебя есть право защищать своего сына. Но лучше, если ты будешь выглядеть не как мать, скрывающая ребёнка, а как мать, которая готова помочь, но не позволяет нарушать границы.

Марта закатила глаза.

— Звучит как фраза из брошюры “Как выжить среди акул и не испачкать платье”.

— Марта.

— Что? Я за грязное платье и топор.

Павел устало усмехнулся.

— Я заметил.

Лера смотрела на документы.

На имя Миланы.

На имя Саша в своих мыслях.

На невидимую линию между двумя детьми, которых взрослые уже успели поставить по разные стороны старой войны.

— Он вчера видел Сашу, — сказала она тихо.

Павел замер.

— Я понял.

— Не понял.

Лера подняла глаза.

— Он не просто посмотрел. Он увидел.

Павел сжал челюсть.

— Сходство?

— Да.

Марта тихо выругалась.

Павел некоторое время молчал. Саша, почувствовав, что взрослый разговор стал совсем взрослым, забрал динозавра и ушёл в комнату, но дверь не закрыл. Конечно.

— Тогда времени меньше, — сказал Павел.

Лера почувствовала раздражение.

— Ты говоришь так, будто это операция.

— Потому что это операция. Только вместо скальпеля — документы.

— И кто пациент?

Павел посмотрел в сторону комнаты, где Саша что-то тихо бормотал своему динозавру.

— Он.

Лера закрыла лицо руками.

На несколько секунд она позволила себе не быть сильной. Просто сидеть, дышать в ладони, чувствовать запах мыла и холодной бумаги. Ей хотелось, чтобы кто-нибудь взрослый пришёл и решил правильно. Не Матвей. Не Павел. Не Марта. Кто-нибудь невозможный, не связанный ни с болью, ни с любовью, ни с долгом.

Но взрослых больше не было.

Была она.

Мать.

Человек, который однажды уже выбрал бегство и пять лет называл это спасением.

— Хорошо, — сказала Лера.

Марта резко подняла голову.

— Что хорошо?

— Мы согласимся на анализ.

— Лера!

— На наших условиях. Только независимая лаборатория. Только через Павла. Только ограниченные данные. Матвей не приближается к Саше без моего разрешения. Резников не контактирует со мной напрямую. И всё фиксируется письменно.

Павел кивнул.

— Я подготовлю медицинскую часть.

— Я — список угроз, — сказала Марта.

— Марта.

— Что? Его тоже можно приложить к делу. Очень убедительный список, я старательная.

Лера взяла телефон.

Руки не дрожали.

Она открыла письмо фонда и начала писать ответ. Не длинный. Не эмоциональный. Каждое слово давалось тяжело, потому что внутри хотелось написать совсем другое: *оставьте нас в покое, вы уже забрали достаточно*. Но она писала официально.

“В интересах несовершеннолетней пациентки Миланы Лазаревой я готова рассмотреть предоставление ограниченных медицинских данных моего сына...”

Моего сына.

Она специально написала так.

Не “ребёнка”. Не “Александра”. Не “несовершеннолетнего”.

Моего сына.

Саша вышел из комнаты с динозавром.

— Ты пишешь плохим людям?

— Сложным.

— А можно я тоже скажу?

— Что?

Он подошёл и серьёзно посмотрел на экран.

— Напиши, что я согласен помочь девочке, но если они обидят маму, я заберу анализ обратно.

Марта всхлипнула.

— Я не плачу, это аллергия на героизм.

Лера обняла сына одной рукой.

— Анализ обратно забрать нельзя.

— Тогда напиши, что я буду злиться.

— Обязательно учтём в примечании.

Павел отвернулся, но Лера успела увидеть его лицо. Больное, тёплое, почти отцовское. И снова почувствовала вину — другую, не связанную с Матвеем. Пять лет рядом с ней был человек, который не требовал прав, потому что понимал, что права не выдают за преданность.

А теперь возвращался тот, у кого прав не было, но была кровь.

И кровь уже начала говорить громче молчания.

Она отправила письмо Матвеем напрямую, не в фонд. Адрес нашла на его визитке. К Резникову поставила только копию, после долгого колебания.

Ответ пришёл через семь минут.

Слишком быстро.

“Принимаю ваши условия. Лабораторию и время согласуем через доктора Исаева. Никаких прямых контактов с ребёнком без вашего разрешения. Матвей”.

Лера перечитала дважды.

— Он согласился, — сказала она.

Марта подозрительно прищурилась.

— Вот так просто?

Павел взял телефон, прочитал.

— Не просто. Быстро.

— Разница?

— Большая.

Лера смотрела на короткие фразы. Матвей никогда не любил лишних слов. Но раньше его краткость была властью. Сейчас в ней слышалось что-то другое.

Сдерживание?

Или новая форма контроля?

Она не знала.

И ненавидела, что вообще пытается услышать.

— Значит, едем в Калининград, — сказал Павел. — Сегодня нет. Завтра утром. Я всё организую.

— Я с вами, — сказала Марта.

— Нет, — ответил Павел.

— Это было не предложение.

— Марта, лаборатория — не кофейня.

— Зато я отлично умею смотреть на людей так, что они забывают подделывать документы.

Саша поднял руку.

— А я после анализа получу мороженое?

Лера посмотрела на него и впервые за утро почувствовала что-то похожее на воздух.

— Два.

— Три.

— Одно и какао.

— Два и какао.

— Договорились.

Он удовлетворённо кивнул, будто заключил самый важный контракт дня.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз сообщение было не от Матвея.

Неизвестный номер.

“Валерия Андреевна, мудрое решение. Надеюсь, вы понимаете, что сотрудничество всегда выгоднее сопротивления”.

Без подписи.

Но подпись была не нужна.

Лера показала экран Павлу.

Он побледнел от злости.

Марта сказала очень тихо:

— Ну вот. А я говорила — топор.

Лера медленно заблокировала номер.

Потом взяла Сашу за плечи и повернула к себе.

— Слушай меня внимательно. Завтра мы поедем в лабораторию. Там возьмут кровь. Я буду рядом. Дядя Паша будет рядом. Марта будет ругаться в коридоре.

— Я не буду ругаться при ребёнке, — сказала Марта.

— Будешь шипеть.

— Это другое.

Саша улыбнулся.

Лера продолжила:

— Если тебе станет страшно, ты сразу говоришь. Ничего не надо терпеть молча. Понял?

— Понял.

— И ещё. Если кто-то незнакомый будет спрашивать тебя про меня, про папу, про нашу жизнь, ты не отвечаешь. Сразу зовёшь меня.

Саша нахмурился.

— Про папу?

Слово упало в кухню тяжело.

Лера не отвела глаз.

— Да.

— А он у меня есть?

Павел закрыл папку.

Марта перестала дышать.

Лера почувствовала, что этот вопрос был не первым. Просто теперь Саша произнёс его прямо, потому что вчера увидел мужчину с такой же фамилией, как у плохих людей. Потому что взрослые шептались. Потому что дети всё равно видят.

Она не могла сказать правду.

Ещё нет.

Но прежняя ложь вдруг стала невозможной.

— У тебя есть человек, из-за которого ты родился, — сказала она медленно. — И есть люди, которые тебя любят каждый день.

Саша подумал.

— Это разные?

— Иногда.

— А тот дядя Матвей — первый или второй?

Лера не успела ответить.

Потому что в этот момент зазвонил телефон Павла.

Он посмотрел на экран, нахмурился и вышел в коридор. Говорил недолго. Почти ничего не говорил: “Да... кто разрешил?... нет, без полного доступа... я понял”.

Когда вернулся, лицо у него было другим.

— Что? — спросила Лера.

Павел посмотрел на Сашу.

— Командир, можешь проверить, не сбежали ли динозавры?

Саша понял, что его снова отправляют из комнаты, но на этот раз не стал спорить. Просто взял игрушку и ушёл, бросив через плечо:

— Они не сбегают. Они эвакуируются.

Дверь за ним осталась приоткрытой.

Павел понизил голос.

— Это был мой коллега. Кто-то уже пытался получить расширенный доступ к профилю Саши.

— Кто?

— Через юридический отдел фонда.

Марта медленно сказала:

— Резников?

— Скорее всего.

Лера посмотрела на конверт.

— Матвей же написал, что принимает условия.

— Значит, не Матвей, — сказал Павел.

Марта хмыкнула:

— Или Матвей руками другого.

Лера не ответила.

Потому что не знала, чему верить.

И ненавидела это сильнее всего.

В Петербурге в это же утро дождь бил по окнам кабинета Тамары Орловой так ровно, будто кто-то за стеклом считал секунды.

Олег Резников стоял у стола с планшетом в руках. Он не садился без приглашения. За двадцать лет работы на Орловых он усвоил: в этом доме даже кресло могло быть формой допуска.

Тамара Григорьевна читала распечатку письма Леры.

Медленно.

Без очков.

Она всегда гордилась зрением, хотя возраст уже начал брать своё. Слабости надо было прятать заранее, пока другие не сделали из них оружие.

— Условия, — сказала она наконец.

Резников молчал.

— Она ставит условия.

— Формально — да.

— Формально, Олег, это слово для тех, кто боится называть вещи своими именами.

Она положила лист на стол.

— Что с мальчиком?

— Предварительные данные подтверждают высокую вероятность родственной линии с Орловыми. Полного профиля пока нет.

— Матвей закрыл доступ?

— После вчерашней поездки — да. Все запросы через него.

Тамара улыбнулась.

Нехорошо.

— Значит, увидел.

— Вероятно.

— И мальчика?

— Полагаю, да.

Тамара подошла к окну. Внизу, за оградой особняка, мокли чёрные ели. Этот дом пережил кризисы, проверки, смерть одного сына, болезнь мужа, истерики младшего, глупые романы дочери, журналистов, налоговые войны и десятки людей, которые думали, что смогут бросить вызов Орловым.

Дом стоял.

И будет стоять.

— Валерия всегда была опаснее, чем выглядела, — сказала Тамара.

— Она согласилась на анализ.

— Не потому что испугалась. Потому что решила остаться хорошей.

Резников чуть поднял брови.

— Это проблема?

— Это ресурс. Хорошими людьми легче управлять. Они всё время оглядываются на совесть.

Она повернулась.

— Но если мальчик действительно Матвея, это меняет порядок наследования, баланс в семье и позицию Ирины.

— Да.

— И позицию самой Валерии.

— Особенно если она решит заявить права.

Тамара усмехнулась.

— Лерочка не заявляет права. Она делает больные глаза и ждёт, пока мужчины сами принесут ей корону на блюде.

Резников промолчал.

Он знал: возражать Тамаре, когда она говорит с прошлым, бессмысленно.

— Подготовьте всё, — сказала она. — Не через Матвея. Через фонд. Через медицинскую необходимость. Через органы, если понадобится.

— Матвей будет против.

— Матвей сейчас чувствует вину. Вина делает мужчин глупыми, но ненадолго. Надо действовать, пока он играет в раскаяние.

— Цель?

Тамара посмотрела на письмо Леры.

— Полный профиль мальчика. Подтверждение родства. И все слабые места Валерии Соколовой за последние пять лет.

Резников кивнул.

— Если мальчик Орлов?

Тамара взяла со стола жемчужную серьгу, которую сняла утром, и долго крутила между пальцами.

— Тогда он не должен расти над кофейней.

— А Валерия?

Улыбка Тамары стала почти нежной.

— Валерия уже однажды ушла. Значит, умеет.

За дверью кабинета раздались шаги.

Резников обернулся.

Без стука вошёл Матвей.

В мокром пальто, с тёмными кругами под глазами и лицом человека, который не спал всю ночь, но стал от этого не слабее, а опаснее.

— О чём речь? — спросил он.

Тамара не дрогнула.

— О больном ребёнке.

Матвей посмотрел на лист на столе. Узнал письмо Леры.

Потом перевёл взгляд на Резникова.

— Я запретил любые действия без моего разрешения.

— Ты запретил своим сотрудникам, — мягко сказала Тамара. — Не мне.

Матвей медленно подошёл к столу.

— Мальчика не трогать.

Тамара подняла брови.

— Мальчика? Как быстро.

— Я повторять не буду.

— Конечно, не будешь. Ты ведь теперь отец.

Слово прозвучало почти ласково.

И почти убило.

Матвей сжал край стола.

— Я сказал: не трогать.

Тамара посмотрела на сына так, будто видела перед собой не взрослого мужчину, управляющего холдингом, а мальчика, который снова принёс домой раненую птицу и требовал не выбрасывать её из гостиной.

— Хорошо, — сказала она.

Матвей не поверил.

И правильно сделал.

Когда он вышел, Резников тихо спросил:

— Приостановить?

Тамара вернулась к окну.

— Нет.

— Но Матвей...

— Матвей слишком поздно вспомнил, что у него есть сердце. Посмотрим, что он будет делать, когда поймёт, что сердце может стоять ему сына.

Она посмотрела на город за стеклом.

— Работайте, Олег.

Резников закрыл папку.

А на столе между ними лежало письмо Леры, в котором одна испуганная мать пыталась помочь чужому ребёнку и защитить своего.

Тамара провела пальцем по имени Александра Соколова.

— Добро пожаловать в семью, мальчик, — сказала она тихо. — Если ты действительно наш.

Глава 9. Дом, который не ждёт

Петербург встретил их не дождём.

Это было бы слишком честно.

Он встретил их мокрым снегом, который не решался стать снегом до конца и потому лип к стеклу поезда серой кашей, размазывал город за окном и делал всё вокруг похожим на старую, плохо отмытую фотографию.

Саша прилип к окну всем носом.

— Мам, это уже Петербург?

— Уже.

— А где красивые дома?

Лера посмотрела на промзону, складские крыши, серые заборы, грязные сугробы у путей и усмехнулась.

— Петербург сначала проверяет, заслужил ли ты красивые дома.

— А как проверяет?

— Показывает некрасивые.

Саша подумал, потом кивнул серьёзно, как будто город в его глазах сразу приобрёл сложный, но уважительный характер.

— Умный.

Павел, сидевший напротив, поднял глаза от телефона.

— Кто?

— Петербург.

— Спорное утверждение, — пробормотала Марта, вытаскивая из пакета бутерброд. — Петербург — это город, где люди добровольно живут под мокрым небом и называют это культурой.

— Ты сама поехала, — напомнила Лера.

— Я поехала не в Петербург. Я поехала следить, чтобы богатые упыри не украли ребёнка и не довели тебя до приступа благородства.

Саша повернулся.

— А упыри бывают богатые?

— Самые опасные, — сказала Марта. — У них есть юристы.

— Марта, — тихо произнёс Павел.

— Что? Я образовательную работу веду.

Лера хотела сделать замечание, но не смогла. Силы уходили куда-то сквозь пальцы с того самого момента, как поезд тронулся из Калининграда. Она почти не спала ночью: проверяла документы, сумку с лекарствами, направление в лабораторию, копии согласий, Сашин свитер, его любимого динозавра, зарядку, паспорт, свидетельство о рождении, ещё раз паспорт.

Всё было на месте.

Кроме спокойствия.

Его она забыла где-то между прошлым и настоящим.

Поезд замедлялся. За окном поползли платформы, люди с чемоданами, жёлтый свет вокзала. Лера вдруг почувствовала, как тело помнит этот город лучше, чем разум. Запах сырого камня, горячего металла, кофе из автомата, чужих духов, снега, который тает на грязных ступенях.

Пять лет она приезжала сюда редко.

К матери. К врачам. По делам.

И каждый раз старалась уеха

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.